

ПОСЛЕДНЯЯ ИЗ
Стэнфилдов

МАРК ЛЕВИ

Марк Леви

Последняя из Стэнфилдов

«Азбука-Аттикус»

2017

УДК 821.133.1-3Леви
ББК 84(4Фра)-44

Леви М.

Последняя из Стэнфилдов / М. Леви — «Азбука-Аттикус», 2017

ISBN 978-5-389-13664-9

Элино́р-Ригби, журналистка из Лондона, получает анонимное письмо. В нем говорится, что у ее матери криминальное прошлое. В то же самое время мастер-краснодеревщик из Канады по имени Джордж-Харрисон получает такое же письмо, обвиняющее его мать в тяжком преступлении. Аноним приглашает обоих на встречу в кафе «Сейлорс» в Балтиморе в одно и то же время, однако сам не приходит. Жертвы его коварной игры, познакомившись, обнаруживают на стене кафе фотографию: две подруги на веселой вечеринке. Это их матери, а снимку больше тридцати лет. Что же случилось тогда, в начале 80-х? Герои блуждают в пугающем лабиринте загадок, в центре которого – влиятельное семейство Стэнфилд.

УДК 821.133.1-3Леви

ББК 84(4Фра)-44

ISBN 978-5-389-13664-9

© Леви М., 2017

© Азбука-Аттикус, 2017

Содержание

1	6
2	10
3	12
4	15
5	18
6	22
7	26
8	30
9	34
10	39
11	44
12	49
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Марк Леви

Последняя из Стэнфилдов

Marc Levy
LA DERNIÈRE DES STANFIELD

© Marc Levy/Versilio, 2017

© Дизайн обложки: © Lorenzo Eroticolor TM.

© Кабалкин А., перевод на русский язык, 2017

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2017

Издательство Иностранка®

* * *

*Луи, Жоржу, Клеа
Полине*

*У всякого рассказа есть три версии:
ваша... моя... и правдивая.
Ни одна не лжёт.*

Роберт Эванс

1

Элино́р-Ригби

Октябрь 2016 г., Лондон

Меня зовут Элино́р-Ригби Доно́ван.

Возможно, мое имя вам что-то говорит. Дело в том, что мои родители обожали «Битлз»: «Элино́р Ригби» – название песни, написанной Полом Маккартни.

Мой отец терпеть не может, когда я ему напоминаю, что его молодость осталась в прошлом веке, но деваться некуда. В 1960-е годы фанаты рок-музыки делились на две группы: одна была за «Роллинг стоунз», другая – за «Битлз»; по какой-то неведомой причине любить и тех и других одновременно было невозможно.

Мои родители впервые встретились, когда им было семнадцать. Случилось это в лондонском пабе по соседству с Эбби-Роуд, весь зал хором распевал All You Need Is Love, впившись глазами в экран телевизора: транслировали концерт «Битлз». Семьсот миллионов телезрителей по всему миру поддерживали их зарождающееся чувство – чем не начало романа, достойного остаться в истории? Тем не менее спустя несколько лет они потеряли друг друга из виду. Но жизнь полна неожиданностей, и они снова встретились при весьма необычных обстоятельствах, когда обоим было уже под тридцать. Меня зачали спустя тринадцать лет после первого поцелуя. Они явно не торопились.

Мой отец, отличающийся безбрежным чувством юмора – согласно семейному преданию, именно этим качеством он и привлек мою мать, – при регистрации моего свидетельства о рождении нарек меня Элино́р-Ригби.

«Когда мы тебя затевали, то бесконечно слушали эту песню», – признался он мне как-то раз в свое оправдание.

Ситуация, подробности которой мне совершенно не хотелось себе представлять. Любому желающему я могла бы поведать о своем трудном детстве, только это было бы враньем, а врать я никогда не умела.

Семья у меня из категории неправильных – как все семьи. Делятся они на два клана: одни семьи это признают, другие делают вид, будто у них все в порядке. Наша – неправильная, но веселая, порой даже слишком. Только попробуй заговорить о чем-то серьезно – тебя мигом поднимут на смех. У нас ко всему относятся легкомысленно, даже к тому, что грозит тяжкими последствиями. Признаться, меня это часто бесило. Мои родители только и делали, что обвиняли друг друга в безумии, пронизывавшем всю нашу жизнь: разговоры, совместные трапезы, вечера и наше детство – мое, моего старшего брата (он появился на свет на двадцать минут раньше меня) и моей младшей сестры Мэгги.

Мэгги (седьмая песня с первой стороны альбома Let It Be) – существо непостоянное и беспокойное, при этом у нее железный характер, а еще она непревзойденная эгоистка, когда речь заходит о повседневных мелочах. И все это в ней прекрасно уживается. Если у вас серьезная проблема, она тут как тут. Не хотите садиться в четыре утра в машину к двум приятелям, слишком поддавшим, чтобы управлять даже самокатом? Она стащит ключи отцовского «остина», помчится в пижаме на другой конец города, заберет вас, да еще развезет по домам ваших приятелей, дав им напоследок нагоняй, хотя они на два года ее старше. Но только попробуйте стянуть за завтраком бутерброд из ее тарелки – получите по рукам так, что надолго запомните. И не надейтесь, что она оставит вам в холодильнике хоть каплю молока. Остается загадкой, почему родители всегда носили ее на руках, как принцессу. Мама испытывала перед ней болезненное восхищение: ее младшенькой были суждены великие свершения. Мэгги ста-

нет адвокатом или врачом, а может, и тем и другим сразу, будет спасать вдов и сирот, покончит с голодом во всем мире... Короче, обожаемый ребенок, о будущем которого полагалось печься всей семьей.

Моего брата-близнеца называли Мишелем (седьмая песня с первой стороны альбома Rubber Soul), хотя в песне это имя женское. Гинеколог не разглядел на УЗИ его пипку. Ничего не поделаешь, мы с ним лежали тесно-тесно. Errare humanum est – человеку свойственно ошибаться. Зато какой сюрприз при родах! Но имя уже выбрали, о его замене не могло быть речи. Папа согласился убрать лишние «l» и «e»¹, но первые три года мой братец провел в детской с розовыми стенами: Алиса гонялась по ним за кроликами. Подслеповатость гинеколога приводит порой к непредвиденным последствиям.

Люди, путающие приличное образование с лицемерием, смущенно скажут, что Мишель у нас человек особенный. Убежденные в своем всезнайстве обречены жить в шорах предрассудков. Мишель обитает в мире, где нет места насилию, стяжательству, лицемерию, несправедливости, злобе. Врачи считают его мир хаосом, но для него самого каждой вещи и каждой мысли отведено особое место, и мир этот так непосредственен, так искренен, что у меня возникает мысль: не мы ли, все остальные, особенные, если не сказать ненормальные? Те же самые врачи никогда не могут толком определить, что с ним: синдром Аспергера – или он просто не такой, как остальные. На самом деле все, конечно, не «просто», но Мишель и вправду невероятно милый и мягкий человек, кладезь здравомыслия, неисчерпаемый источник веселья. Если я не умею врать, то Мишель не может не сказать того, что думает, причем сразу же, как только ему в голову пришла какая-то мысль. В четыре года, когда он решил наконец заговорить, он спросил в очереди к кассе супермаркета у женщины в кресле-каталке, почему она сидит в детской коляске. Мама, потрясенная тем, что услышала от него первую связную фразу, сначала схватила его на руки и осыпала поцелуями, а уж потом побагровела от стыда. И это было только начало...

С того вечера, когда наши родители опять встретились, они не переставали друг друга любить. У них, как у всякой пары, случались ледниковые периоды, когда между ними царил холод, но вскоре наступало примирение, и вновь возвращались неизменное взаимное уважение и восхищение. Однажды, расставшись с тем, в кого была влюблена, я спросила их, как им удалось пронести любовь через всю жизнь, и получила от отца ответ: «История любви – это встреча двух дающих».

Мама умерла в прошлом году. Они с отцом ужинали в ресторане, официант принес ее любимый десерт, ромовую бабу – и она уткнулась лицом в горку крема. Откачать ее так и не смогли.

Папа старается не делиться с нами своим горем, понимая, что мы переживаем случившееся по-своему. Мишель продолжает звонить маме каждое утро, и отец исправно отвечает, что она не может подойти к телефону.

Спустя два дня после того, как мы предали ее земле, папа собрал нас за семейным столом и категорически запретил сидеть с похоронным видом. Мамина смерть ни в коем случае не должна была разрушить то, что они вместе создали для нас, приложив немало усилий, – веселую сплоченную семью. На завтра мы обнаружили на дверце холодильника записку: «Дорогие мои, сначала умирают ваши родители, потом наступает ваша очередь. Хорошего вам дня. Папа». Логично, как сказал бы мой братец. Нельзя терять время, предаваясь унынию. И вообще, если ваша мать уходит в царство теней, упав лицом в ромовую бабу, это наводит на размышления.

Узнав о том, кем я работаю, большинство людей бледнеют от зависти. Я журналистка «Нэшнл джиографик». Мне платят – пусть не слишком щедро, но все-таки – за то, что я разъ-

¹ Женский вариант имени – Michelle, мужской – Michel. (Здесь и далее – прим. перев.)

езжаю по миру, запечатлевая и описывая его разнообразие. Странно, но мне пришлось объехать всю планету, чтобы обнаружить, что все это великолепное разнообразие окружает меня в повседневной жизни, и достаточно толкнуть дверь своего дома и немного внимательнее взглянуть на других людей, чтобы это понять.

Но когда проводишь жизнь в самолетах, триста ночей в году спишь в гостиничных номерах разной степени комфорта, чаще невысокой из-за ограниченного бюджета, питаешься по большей части в тряских автобусах и приходишь в неопикуемый экстаз при виде чистой душевой кабинки, то, вернувшись домой, испытываешь одно-единственное желание: растянуться, задрать ноги, на мягком диване перед телевизором, чтобы рядом стоял поднос с едой и близкие были тут же, на расстоянии вытянутой руки.

Моя личная жизнь истощается редкими короткими романами. Бесперывные путешествия – все равно что клеймо безбрачия, выжженное раскаленным железом на неопределенный срок. Два года я встречалась с репортером «Вашингтон пост», надеясь на взаимную верность. Иллюзия, пускай и восхитительная. Мы пытались поддерживать ощущение близости при помощи электронной переписки, но ни разу не провели вместе больше трех дней подряд. В общей сложности наша связь не продлилась и двух месяцев. При каждой встрече у нас отчаянно колотилось сердце, при каждом расставании тоже; не выдержав аритмии, мы оба сдались.

У меня, по сравнению с большинством моих друзей, далеко не банальная жизнь, а однажды утром, когда я взялась просматривать почту, она стала и вовсе странной.

Я летела домой из Коста-Рики, папа приехал за мной в аэропорт. Мне твердят, что в тридцать пять лет пора перерезать пуповину. В каком-то смысле я уже это сделала, но возвращаясь и находя лицо отца в толпе, высматривающей прибывших пассажиров, я всякий раз попадаю в детство, и ничто не заставит меня побороть это сладкое чувство.

После маминой смерти он немного постарел, шевелюра поредела, животик слегка округлился, походка отяжелела, но он по-прежнему привлекательный мужчина – элгантный, блестящий, экстравагантный, и никакой аромат на свете не действует на меня так умиротворяюще, как запах его макушки, когда он крепко меня обнимает и приподнимает в воздух. Да-да, эдипов комплекс, держи нас крепче и не отпускай, по крайней мере чем позже, тем лучше... Поездка в Центральную Америку вымотала меня до предела. Весь полет я сидела стиснутая между двумя пассажирами, поочередно ронявшими голову мне на плечо при малейшей тряске, словно на подушку. Вернувшись домой и увидев в зеркале ванной свое помятое лицо, я поняла, почему они так со мной обращались. Мишель пришел ужинать к папе, посреди ужина к нам присоединилась моя сестра, и я разрывалась между наслаждением всех их видеть и желанием уединиться в комнате, официально считавшейся моей, пока мне не исполнилось двадцать, а неофициально – гораздо дольше. Я снимаю квартиру-студию на западе Лондона, на Олд-Бромптон-Роуд – из принципа и чисто из гордости, потому что почти никогда там не ночую. В те редкие моменты, когда я оказываюсь на родине, мне приятно возвращаться под крышу нашего дома в Кройдоне.

Переночевав у папы, я поехала к себе и нашла среди счетов и рекламных проспектов надписанный от руки конверт. Почерк был изумительно красивый, округлый, с нажимом и тонкими хвостиками в правильных местах – так учат писать в школе.

Извлеченное из конверта письмо сообщало о совершенно мне неведомом прошлом моей матери. Меня уверяли, будто, разбирая ее вещи, я непременно обнаружу предметы из прошлого, которые откроют мне глаза на то, какой была на самом деле моя мать. Не довольствуясь этим, анонимный автор утверждал, что мама была замешана в некоем преступном деянии, совершенном тридцать пять лет назад. Никаких уточнений в письме не содержалось.

В этих откровениях было многовато неувязок. Начать с того, что тридцать пять лет назад мама уже ждала меня... Трудно представить себе, как моя мама, причем беременная двойней, совершает преступление – невообразимо для тех, кто ее знал. Автор анонимного письма предлагал, если мне захочется узнать больше, отправиться на другой конец света. В завершение он

просил меня уничтожить это послание и никому о нем не рассказывать – ни Мэгги, ни тем более отцу.

Откуда этот незнакомец знал имена моих близких? Это тоже привело меня в недоумение.

Я похоронила маму только весной и все еще сильно скучала по ней.

Сестре не могла взбрести в голову такая скверная шутка, брат был категорически не способен выдумать подобную историю. Сколько бы я ни листала свою адресную книжку, в ней не нашлось бы ни одного знакомого, которого можно было бы заподозрить в этой проделке.

Как бы поступили на моем месте вы? Вероятно, совершили бы ту же ошибку, что и я.

2

Салли-Энн

Октябрь 1980 г., Балтимор

Чтобы выйти из лофта, нужно было спуститься по крутой лестнице. Сто двадцать высоких ступенек, три пролета, еле-еле освещенные лампочкой на перекрученном проводе, – тусклое мерцание в бездонной пропасти. Спуск был сродни игре со смертью, подъем превращался в пытку. Салли-Энн проделывала этот путь дважды в день, утром и вечером.

Старый грузовой лифт давно отслужил свое. Теперь его ржавая решетка стала частью пейзажа, слабо выделяясь на фоне охровых стен.

Всякий раз, когда Салли-Энн толкала дверь и выходила наружу, ей бросалась в глаза вереница обшарпанных доков. Вдоль улиц теснились старые кирпичные склады. Истрепанный морскими ветрами пирс щетинился высокими кранами, забиравшими контейнеры с последних грузовых судов, еще швартовавшихся в этом пришедшем в упадок порту. Квартал еще не привлек внимания кудесников-застройщиков. В те времена в заброшенных домах вокруг порта ютились разве что начинающие актеры, подававшие слабые надежды музыканты и живописцы, юнцы без гроша в кармане, заглядывавшиеся на дочек богатых родителей, никому не нужные и зачастую конфликтовавшие с законом прожигатели жизни. До ближайшей бакалеи было десять минут езды на мотоцикле.

Салли-Энн была владелицей мотоцикла «Триумф Бонвиль»: 650 кубических сантиметров его двигателя позволяли (сдуру) разгоняться до ста пятидесяти и даже больше миль в час. Вмятина на бело-синем баке напоминала о падении, случившемся, когда хозяйка объезжала этого норовистого зверя.

Несколько дней назад родители предложили Салли-Энн покинуть родной город и отправиться смотреть мир. Мать холеной рукой подписала чек, аккуратно оторвав его от корешка, и протянула дочери, тем самым также отрывая ее от себя.

Салли-Энн прикинула, сколько времени можно будет веселиться и пить на эту сумму, и обиженная скорее тем, что семья отправляет ее куда подальше, чем требованием искупить ошибку, которой она еще не совершила, решила мстить. Она добьется такого успеха, что в один прекрасный день они раскаются, что отrekliсь от нее! Честолюбивый проект, спору нет. Однако в запасе у Салли-Энн был недюжинный ум, красивое тело и пухлая адресная книжка. В ее семье мерилом успеха были размер банковского счета и имущество, которым можно блеснуть. Денег Салли-Энн всегда хватало, но ее они интересовали лишь постольку-поскольку. Она любила большие компании и только посмеивалась над родственниками, шокированными ее общением с людьми не их круга. У Салли-Энн хватало недостатков, зато она отличалась способностью к бескорыстной дружбе.

Предательский цвет неба – ослепительная лазурь – заставлял забыть, что всю ночь лил дождь. Но она была настороже: скользкая дорога – смертельный враг мотоциклиста. «Триумф» мчался по асфальту, Салли-Энн чувствовала икрами тепло мотора. Управление этой машиной дарило ей чувство бесконечной свободы.

Издали приметив на перекрестке одинокий памятник среди пустыни – кабину телефона-автомата, – она взглянула на циферблат часов, блесневших между застежками перчатки, сбросила скорость и нажала на рукоятку тормоза. Поставила мотоцикл у тротуара, опустила упор. Нужно было убедиться, что сообщница не опаздывает.

Пять гудков. От тревоги у Салли-Энн перехватило горло. Почему Мэй не отвечает? Наконец в трубке раздался щелчок.

- Все в порядке?
- Да, – услышала она угрюмый голос.
- Я еду. Ты готова?
- Надеюсь... Тем более уже поздно идти на попятную, ведь так?
- Зачем нам сдавать назад? – удивилась Салли-Энн.

На перечисление всех причин, от которых у нее пухла голова, у Мэй ушло бы много времени. Их план слишком рискованный. Стоит ли игра свеч? Что проку мстить, когда сделанного все равно не воротишь? Что, если все пойдет не так, как задумано, и их сцапают? Дважды пострадать за одно и то же – не многовато ли? С другой стороны, она решилась на этот риск не ради себя, а ради подруги. В общем, Мэй промолчала.

Мимо медленно ехала машина полиции, и Салли-Энн задержала дыхание, стараясь умирить волнение. Если она струхнет сейчас, то что будет, когда дойдет до дела? Пока что ей было не в чем себя упрекнуть: мотоцикл стоял по всем правилам, звонить из телефона-автомата закон не запрещает. Машина не затормозила, но полицейский за рулем на нее засмотрелся – и было на что! «И эти туда же!» – подумала она, вешая трубку.

Что там на часах? Она будет у дверей Стэнфилдов через двадцать минут, через час уедет от них, через полтора часа вернется домой. Эти полтора часа все-все изменят для Мэй и для нее. Она прыгнула на мотоцикл, ударила пяткой по стартеру и с ревом рванула вперед.

На другом конце города Мэй надевала пальто. Она заранее засунула глубоко в карман крючок-отмычку с крестообразным наконечником, завернутый в салфетку, заранее расплатилась с изготовившим этот инструмент для взлома слесарем. Выйдя из дому, она поежилась от холода. Голые ветки тополей на ветру стучали друг о друга. Она подняла воротник и заторопилась на автобусную остановку.

Сидя у окна, она изучила свое отражение, откинула назад и заколола волосы. Мужчина через два ряда от нее слушал Чета Бейкера по маленькому транзистору, стоявшему у него на коленях, и медленно покачивал головой в такт балладе. Его сосед громко шуршал газетой, явно желая досадить слушателю My Funny Valentine: ему самому песенка, очевидно, была не по вкусу.

– По-моему, это самая красивая песня в мире, – с упреком заявила сидевшая рядом женщина.

Мэй эта песня казалась не столько красивой, сколько грустной; истина, как водится, была где-то посередине. Мэй вышла через шесть остановок и встала у подножия холма. Она приехала строго в условленное время, но Салли-Энн уже ждала ее со своим мотоциклом. Протянула Мэй шлем, подождала, пока та устроится сзади. Потом мотор взревел, и «Триумф» сорвался с места.

3

Элино́р-Ригби

Октябрь 2016 г., Бекенхем, пригород Лондона

Все было как будто в порядке, но где там! Мэгги стояла в двери гостиной, подперев спиной косяк, и вертела в пальцах потухшую сигарету. Отчего-то ей почудилось, будто заново подожженный окурок – такая же нелепость, как это безумное письмо.

Я сидела на стуле, словно ученица за первой партой, боящаяся вызвать гнев учительницы, и держала в руках листок. Мое состояние было близко к оцепенению.

– Прочти-ка еще разок! – приказала Мэгги.

– «Пожалуйста». «Прочти, пожалуйста», – привычно поправила ее я.

– Я, что ли, к тебе примчалась среди ночи? Вот и не донимай меня своим «пожалуйста»!

Каким образом Мэгги умудряется платить за двухкомнатную квартиру, когда у меня, вкалывающей по-настоящему, с трудом хватает денег на маленькую студию? Тут явно не обошлось без родительской помощи. Раз она продолжает так роскошествовать после смерти мамы, значит, здесь замешан папа. Надо будет набраться смелости и задать этот вопрос за семейным столом. Да, думала я, придет день, когда у меня хватит отваги раз и навсегда поставить на место младшую сестру, чтобы она забыла, как мне грубить; что только не лезло мне в голову, лишь бы не думать о письме, которое я собиралась прочесть Мэгги еще раз, раз она этого потребовала.

– Ты что, язык проглотила, Ригби?

Терпеть не могу, когда Мэгги так укорачивает мое имя, крадя у него женственность. Она прекрасно знает это. Мы, конечно, друг друга любим, но в остальном между нами все непросто. В детстве нам случалось драться друг дружку за волосы; у разозлившихся девчонок так бывает, а тем более у подростков. Мы дрались до тех пор, пока Мишель не начинал сжимать себе руками голову, как будто зло, материализованное в ссоре сестренки, сдавливало ему виски и причиняло страдания. Тогда мы прекращали схватку, о причине которой к тому времени уже забывали, и, желая его убедить, что все это всего лишь игра, принимались кружиться, вовлекая брата в свой хоровод.

Мэгги мечтала о таких же рыжих волосах, как у меня, о таком же спокойном выражении лица. Послушать ее, так мне всё было нипочем. Что до меня, то я мечтала о черной гриве, как у младшей сестры, потому что тогда надо мной не смеялись бы в школе, о ее непроницаемой красоте, ее самоуверенности. Мы могли поссориться по любому поводу, но стоило кому-то чужому или одному из наших родителей напустить на одну из нас – и другая тут же бросалась ей на выручку, готовая впиться в обидчика зубами, лишь бы отстоять сестру.

Я вздохнула и стала громко читать:

Дорогая Элино́р,

извините, что сокращаю Ваше имя, составные имена для меня длинноваты, Ваше, кстати, замечательное, но мое письмо не об этом.

Вы наверняка восприняли внезапный уход Вашей матери как глубокую несправедливость. Она была создана для того, чтобы стать бабушкой, чтобы умереть в весьма преклонном возрасте в своей постели, в окружении семьи, которой она столько дала. Это была необыкновенная, выдающегося ума женщина, способная и на самое лучшее, и на самое худшее, но Вам было известно только о лучшем.

Что поделать, мы знаем о своих родителях только то, что они сами хотят нам рассказать и что мы сами хотим в них видеть. Мы забываем

– и это в порядке вещей, – что они жили и до нашего появления на свет. Я хочу сказать, что тогда они вели свою собственную жизнь, проходили через испытания молодости, через ложь. Им тоже приходилось разбивать свои цепи, вырываться на свободу. Вопрос в том, КАК они это делали.

Ваша мать, например, отказалась тридцать пять лет назад от внушительного состояния. Но это состояние было вовсе не наследством. Так каким же образом она его заполучила? Оно ей принадлежало или она его похитила? Если нет, то зачем было от него отказываться? Вот сколько набирается вопросов, на которые Вам придется поискать ответы, если они Вас интересуют. В этом случае я советую Вам призвать на помощь всю Вашу ловкость и проницательность. Как вы понимаете, такая разумная женщина, как Ваша мать, не стала бы прятать самые интимные свои секреты там, где их было бы легко найти. Когда Вы найдете доказательства обоснованности моих вопросов – а я знаю, что первым Вашим побуждением будет от них отмахнуться, – Вам непременно понадобится меня отыскать, хотя я живу на другом конце света. Но всему свое время. А пока что, я думаю, Вам нужно как следует поразмыслить. Впереди у Вас много дел.

Простите, что не называю себя, не считайте это трусостью, я поступаю так только для Вашего блага.

Советую Вам от чистого сердца никому не говорить об этом письме – ни Мэгги, ни Вашему отцу, и уничтожить его сразу после прочтения. Хранить его не имеет никакого смысла. Поверьте, мои слова совершенно искренни; желаю Вам всего наилучшего и выражаю, пусть с опозданием, свои соболезнования.

– Хитро составлено письмецо! – бросила я. – Пойди разберись, мужчина это написал или женщина.

– Не важно, мужчина или женщина, главное, автор не в себе. Это письмо бессмысленно – почти всё. Кроме совета его уничтожить...

– И никому о нем не рассказывать, прежде всего тебе...

– Этому совету ты не последовала, и правильно сделала.

– А папе?

– Ему лучше не говори, нечего его волновать этим потоком глупостей.

– Прекрати! Вечно ты диктуешь, что мне делать, чего не делать. Старшая – я!

– Разве лишний год гарантирует тебе умственное превосходство? Будь так, ты бы не примчалась показывать мне это письмо.

– Я не примчалась. Я получила его еще позавчера, – уточнила я.

Мэгги взяла стул и уселась напротив меня. Я положила на стол письмо. Она провела по нему пальцем и оценила качество бумаги.

– Только не говори, что поверила хоть слову, – предупредила она меня.

– Даже не знаю... Зачем кому-то тратить время на пустую ложь? – пробурчала я.

– Затем, что повсюду кишат ущербные люди, готовые на все, лишь бы сделать другому гадость.

– Только не мне, Мэгги. Можешь считать мою жизнь скучной, но врагов я себе точно не нажила.

– Может, это мужчина, которого ты заставила страдать?

– Хотелось бы, но тут пустыня до самого горизонта.

– А твой журналист?

– Он никогда не позволил бы себе такой низости. К тому же мы расстались добрыми друзьями.

– Откуда тогда этот бумагомарака узнал мое имя?
– Ему известно про нас гораздо больше. Мишеля он не упомянул, но это только потому, что...

Мэгги крутанула на столе зажигалку.

– Это только потому, что он знает, что ты не станешь беспокоить нашего братишку. Выходит, анониму известно его состояние. От всего этого как-то не по себе! – проворчала она.

– Что же нам делать?

– Ничего! Ничего не предпринимать – лучший способ не вступать в его игру. Выбросить эту гадость в мусорную корзину – и жить дальше.

– Ты можешь себе представить маму в начале ее жизненного пути богачкой? Это полная бессмыслица, мы всегда еле сводили концы с концами. Если бы у нее имелись средства, то зачем было бы так туго затягивать ремень?

– Не преувеличивай, нищетой это все-таки не назовешь, мы ни в чем не испытывали нужды! – возразила Мэгги, начиная злиться.

– Это тебе всегда всего хватало. Ты многого не замечала.

– Чего именно, хотелось бы узнать?

– Трудностей в конце месяца. Думаешь, мама давала частные уроки только из любви к искусству, а папа посвящал выходные вычитыванию рукописей из чистого удовольствия?

– Он работал в издательстве, а мама преподавала. Я думала, что все это входит в их обязанности.

– Нет уж, вкалывать после шести вечера никак не входило в их обязанности. Думаешь, они отправляли нас в детский лагерь, а сами в это время не жили на Карибах? Нет, они работали. Мама даже подменяла в больнице регистраторшу приемного отделения.

– Мама?.. – ошарашенно переспросила Мэгги.

– Три года подряд, каждое лето, когда тебе было тринадцать, четырнадцать, пятнадцать лет.

– Почему ты знала об этом, а я нет?

– Потому что я задавала вопросы. Сама видишь, как много значит даже маленькая разница в возрасте.

Мэгги ненадолго задумалась.

– Ну, нет, – снова заговорила она, – я не допускаю мысли, что наша мать зарыла клад с золотом.

– «Состояние» необязательно подразумевает деньги.

– Если это не настоящее состояние, то зачем анониму уточнять, что она получила его не по наследству?

– Таким способом он подсказывает нам, что следует пораскинуть мозгами, и, возможно, намекает, что в его словах неплохо бы поискать подтекст.

– Что-то многовато предположений. Лучше избавься от этого письма, забудь, что вообще его получала!

– Конечно! Уж я тебя знаю, двух дней не пройдет, как ты нагрянешь к папе и перевернешь его дом вверх дном.

Мэгги схватила зажигалку и закурила сигарету. Сделав большую затяжку, она выпустила вертикальную струйку дыма.

– Ладно, – примирительно сказала она. – Устроим завтра здесь семейный ужин. Ты занимаешься едой, я – папой. Учти, все это только для очистки совести, потому что я уверена, что это напрасная трата времени.

– Завтра ты закажешь пиццу, и мы вдвоем аккуратно расспросим папу. Мишель тоже будет.

4

Рэй

Октябрь 2016 г., Кройдон, пригород Лондона

Ему понравилась идея поужинать вместе с детьми, но он предпочел бы, чтобы это произошло у него дома. Рэй был домоседом, а в его возрасте люди не меняются. Он достал из гардероба свою куртку, украшенную шевронами. Надо съездить за Мишелем – удобная возможность проехаться на стареньком «остине». Он перестал ездить на нем за покупками, когда в пяти минутах от его дома открылся супермаркет «Теско». Врач посоветовал ему ходить пешком ежедневно не менее пятнадцати минут – минимум, необходимый для здоровья суставов. На суставы он плевать хотел, просто не знал, куда себя девать, с тех пор как овдовел. Тем не менее, стоя перед зеркалом, он втянул живот и откинул пятерней волосы назад. На старость ему тоже было наплевать, вот только жаль густой шевелюры – гордости молодых лет. Правительство, вместо того чтобы без толку тратить миллиарды на войну, могло бы дать деньги тем, кто придумает способ снова отращивать вылезшие волосы. Если бы можно было вернуться на тридцать лет назад, он уговорил бы жену посвятить ее талант химика науке, а не преподаванию. Она бы открыла волшебную формулу, и они проводили бы старость, колеся по миру и переезжая из одного дворца в другой.

Нет, решил он, беря вместо куртки габардиновый плащ, вдовцу путешествовать было бы невыносимо, к тому же недаром он домосед. Раньше Мэгги не приглашала родных к себе. Уж не собирается ли она сообщить ему, что выходит замуж? Пожалуй, он не влезет в свой смокинг. Ну ничего, значит, придется посидеть на диете, если, конечно, ему дадут время сбросить килограмма три, максимум пять, не надо фанатизма, он еще более-менее стройный мужчина: не считая некоторых лишних округлостей, ничего страшного... С Мэгги станется огорошить его сообщением, что свадьба назначена на ближайший уик-энд, всем известно, до чего она нетерпелива. Какой же ей сделать свадебный подарок? Заметив, что веки немного обвисли, он поднес указательный палец к правому глазу, подтянул их и пришел к выводу, что так выглядит гораздо моложе, но при этом довольно глупо. Прилепить, что ли, себе под глаза по кусочку скотча? То-то все покатаются со смеху! Рэй немного погримасничал перед зеркалом и сам себя развеселил. В приподнятом настроении он сгреб кепку, подбросил на ладони ключи от машины и вышел из дому пружинистой молодежавой походкой.

В «остине» приятно пахло пылью – элегантный запах старины, присущий салонам только коллекционных автомобилей. Сосед, жалкий завистник, доказывал, что «универсал» А60 к этой категории не принадлежит. Пусть лучше поищет в наше время настоящую палисандровую приборную панель! Часы – и те настоящий антиквариат! Он купил машину у второго ее владельца. В каком году это было? Еще до рождения близнецов? Конечно до, ведь на этой машине он приехал за женой на вокзал, когда они снова нашли друг друга. Невероятно, что эта машина сопровождала их всю совместную жизнь. Сколько миль они проехали в этом «остине»? Пробег составляет двести восемьдесят тысяч шестьсот пятьдесят три километра – а будет четыре, когда он заедет за Мишелем. Если такая машина не коллекционная, то... Ну и болван этот сосед!

Всякий раз, косясь на пассажирское кресло, он видел призрак жены. Видел, как она тянется за пряжкой ремня безопасности. У нее никогда не получалось нормально пристегнуться самой, и она донимала его подозрениями, будто он специально укоротил ремень, чтобы она поверила, что поправилась. Да, ему случалось прибегать к этой уловке – раза два-три, не больше. Ну, может, больше, если напрячь память. Вот бы можно было уйти под землю в своей

машине вместо гроба! Хотя нет, это потребовало бы существенного расширения кладбищ, что недопустимо с точки зрения экологии.

Рэй затормозил перед домом Мишеля, два раза нажал на клаксон и стал ждать, наблюдая за пешеходами на поблескивающих от дождя тротуарах. Можно сколько угодно злиться на английский дождь – а вот пойдی найди другую такую же зеленую страну!

Его внимание привлекла одна пара. Мужчина, похоже, совершенно разучился смеяться. Если на небе есть Бог, то непонятно, почему Он не делает вдовцами именно таких типов. Мир и вправду слеплен кое-как. Почему Мишель вечно не торопится? Хотя ясно почему: он должен проверить перед уходом, что все лежит на своих местах, что газ выключен, даже если он давным-давно не пользовался газовой плитой, что свет погашен всюду, кроме спальни, где он его никогда не гасит, что дверца холодильника плотно закрыта. Там петля ослабла, надо будет зайти и поменять ее, когда Мишель будет на работе. Поменяет – и ничего сыну не скажет. Вот и он в своем вечном макинтоше, которого не снимает даже летом. А в такое лето, как нынешнее, он уж точно не переоденется.

Рэй потянулся к ручке пассажирской дверцы. Мишель уселся, поцеловал отца, накинул ремень и чинно положил руки на колени. Когда машина тронулась, он уставился на дорогу и сидел так до второго перекрестка, после чего наконец немного расслабился.

– Рад, что мы ужинаем все вместе, странно только, что у Мэгги.
– Что же в этом странного, скажи на милость? – поинтересовался Рей.
– Мэгги никогда не готовит, потому и странно.
– Насколько я понял, нынче праздник: она заказала всем пиццу.
– Тогда это менее странно, но все равно, – отозвался Мишель, провожая глазами молодую женщину на переходе.
– Недурна! – одобрил Рэй, присвистнув.
– Немного непропорциональная, – обронил Мишель.
– Ты шутишь? Она великолепна!
– Средний рост человека женского пола в 2016 году составляет пять футов два дюйма, а в этой женщине по меньшей мере шесть футов один дюйм. Значит, она слишком рослая.
– Тебе виднее, хотя я в твоём возрасте скорее одобрил бы такую непропорциональность.
– Мне больше нравится, когда они...
– Поминиатюрнее?
– Вот-вот.
– Каждой кастрюле своя крышка, не так ли?
– Возможно, но я не вижу связи.
– Это такое выражение, Мишель. Оно означает, что о вкусах не спорят.
– Вот это логично – не первое твоё выражение, лишённое всякого смысла, а второе. Оно соответствует тому, что сказал я.

«Остин» свернул на запруженный машинами бульвар. Снова зарядил мелкий дождик – типичная английская морось, в считанные минуты превращающая мостовую в зеркало.

– Думаю, твоя сестра собралась нам сообщить, что выходит замуж.
– Которая? У меня их две.
– Скорее всего, Мэгги.
– Вот как? Почему ты так считаешь?
– Отцовский инстинкт. Можешь мне поверить. Я говорю с тобой об этом уже сейчас не просто так, а с определенной целью. Когда она это объявит, я хочу, чтобы ты знал, что это хорошая новость, и проявил радость.
– Зачем?
– Сестру опечалит, если ты этого не сделаешь. Когда люди сообщают другим о счастливом для них событии, они ждут, что мы в ответ разделим их счастье.

- Зачем?
- Так мы проявляем свою любовь.
- Понимаю. А брак – это хорошее известие?
- Сложный вопрос. В принципе, да.
- Ее будущий муж тоже там будет?
- Возможно. С твоей сестрой можно всякого ожидать.
- С которой? У меня их две.
- Знаю, что их у тебя две, между прочим, это мои изделия, то есть мои и твоей матери,

конечно.

- А мама там будет?
- Нет, твоей матери там не будет. Ты знаешь почему, я много раз тебе это объяснял.
- Да, знаю, потому что она умерла.
- Ну да, потому что умерла.

Мишель еще некоторое время смотрел прямо перед собой, потом повернул голову и уставился на отца:

- Для вас с ней женитьба была хорошей новостью?
- Прекрасной, старина! Если бы можно было вернуться назад, то я бы женился на ней еще раньше. Так что для Мэгги это тоже будет хорошей новостью: уверен, счастливый брак – присущий нашей семье особый дар.

– Вот как? Завтра я уточню в университете, но не думаю, что это генетическое.

– А ты сам счастлив, Мишель? – тихо спросил Рэй.

– Думаю, да... Я счастлив теперь, раз Мэгги собралась замуж, и я знаю, что брак будет счастливый, потому что это наш семейный дар. Но все-таки я немного трушу перед встречей с ее мужем.

– Что тебя пугает?

– Надеюсь, мы с ним поладим.

– Ты с ним уже знаком: это Фред, здоровенный детина, очень симпатичный, мы много раз ужинали с ним у него в пабе. То есть я думаю, что она собралась замуж за него, хотя от твоей сестры всего можно ожидать.

– Жаль, что мама не может быть с нами в тот вечер, когда ее дочь сообщает о своем решении выйти замуж.

– Которая? У меня их две, – ответил Рэй с улыбкой.

Мишель немного подумал и тоже улыбнулся.

5 Мэй

Октябрь 1980 г., Балтимор

Мотоцикл легко одолевал дорогу, взбирающуюся на холм. Каждый раз, когда Салли-Энн давила на газ, заднее колесо поднимало столб пыли. Еще несколько виражей – и покажется дом. Мэй издала узнала изящную черную, с тонкими гранеными пиками, ограду, защищавшую поместье Стэнфилдов. По мере приближения к нему она все крепче обхватывала талию Салли-Энн. В конце концов та не выдержала и крикнула, задышавшись на ветру:

– Мне тоже страшно! Внуши себе, что как раз это и делает приключение таким захватывающим!

Мотор «Триумфа» так ревел, что до Мэй долетели только обрывки слов, она расслышала только «страшно» и «захватывающим», что полностью совпадало с ее ощущениями. Они находились на одной волне: это и есть идеальные отношения.

Салли-Энн снизила скорость, накренила мотоцикл и вошла в последний крутой поворот. Затем снова набрала скорость и выровняла мотоцикл. Лихость, с которой она гоняла на «Триумфе», вызвала бы зависть у любого байкера. Впереди, на вершине холма, красовался дом с горделивой колоннадой, возвышавшийся над долиной. Такую показную роскошь позволяли себе только нувориши и выскочки, притом что Стэнфилды были одним из старейших, самых уважаемых семейств города, имевших непосредственное отношение к его основанию. Одни утверждали, будто основу их богатства заложили еще рабы, возделывавшие потом их земли, другие возражали, что они были, наоборот, среди первых хозяев, отпустивших своих рабов на свободу, и что некоторые из Стэнфилдов даже проливали за их освобождение свою кровь. История звучала по-разному, в зависимости от квартала, где ее рассказывали.

Салли-Энн свернула на служебную стоянку, заглушила мотор, сняла шлем и повернулась к Мэй, слезавшей с сиденья:

– Там вход для поставщиков, видишь? Ступай туда и скажи, что у тебя встреча с мисс Вердер.

– А если она дома?

– Разве только она вездесущая, потому что женщина, приближающаяся вон к тому черному «форду», и есть мисс Вердер. Говорю тебе, каждый день в одиннадцать часов она садится в свою машину и едет в город на массаж... То есть это так говорится, одним массажем дело не ограничивается.

– Откуда ты знаешь?

– Я неделями за ней следила, буквально от нее не отходила, так уж можешь мне поверить.

– Ты же не опустилась до того, чтобы...

– На споры нет времени, Мэй. Вердер, бедняжка, с большим трудом получает удовлетворение, но через сорок пять минут ее все-таки накроет скромный утренний оргазм, и, подкрепившись в соседнем кафе сэндвичем с беконом и колой, она поспешит обратно. Бери ноги в руки, ты знаешь план наизусть, зря, что ли, мы сто раз репетировали?

Но Мэй застыла как статуя. Салли-Энн почувствовала, что ей нужно ободрение, поэтому она крепко ее обняла и прошептала, что она прелестна, что все пройдет как по маслу и что она будет ждать ее на стоянке.

Мэй перешла через дорогу и зашагала к служебному входу. Через него миссис Стэнфилд и ее сыну доставляли газеты, еду, напитки, цветы и все, что они покупали в городе. Тонем воспитанной девушки Мэй сообщила дворецкому, что пришла на встречу с мисс Вердер. Как

Салли-Энн и предсказывала, дворецкий, впечатленный природной властью гостьи, подкрепленной ее британским акцентом, который та намеренно утрировала, воздержался от дальнейших расспросов и впустил ее в дом. Он понял, что она явилась раньше времени, и, сочтя неподобающим мариновать такую приличную гостью в прихожей, отвел ее – Салли-Энн и это предвидела – в небольшую гостиную на втором этаже. Там он с огорченным видом усадил ее в кресло. Мисс Вердер только что уехала, объяснил он и тут же добавил, что она скоро возвратится, и предложил гостье скоротать время за освежающими напитками. Мэй поблагодарила и отказалась: ей не хочется пить. Дворецкий удалился, оставив ее одну в богато убранной гостиной по соседству с кабинетом секретаря мистера Стэнфилда.

Два кресла, обитые тем же бархатом, из которого были сделаны шторы на окнах, разделял круглый столик на ножке. На темном дубовом паркете красовался обюссонский ковер, стены были обшиты деревянными панелями, с потолка свисала небольшая хрустальная люстра.

На то, чтобы представиться, подняться по широкой лестнице на второй этаж и пройти по длинной галерее над вестибюлем в эту гостиную, у Мэй ушло целых десять минут. Ее задачей было убраться отсюда до возвращения секретарши-нимфоманки. Пока подруги составляли свой план и репетировали, Мэй вдоволь позабавилась, представляя, чем мисс Вердер занимается в сомнительном массажном салоне в центре города, они с Салли-Энн тогда смеялись до слез. Но сейчас, когда ей предстояло войти в ее кабинет и совершить взлом, фактически преступив закон, ей было не до веселья. Если ее поймут на месте преступления, то непременно вызовут полицию, а полиция мигом смекнет, что к чему. Обвинением в простом вторжении на чужую территорию дело не обойдется... Не думать об этом, гнать подобные мысли! У нее пересохло во рту, и она пожалела, что отказалась от предложенной дворецким воды; отказ был вызван боязнью потерять драгоценное время. Встать, подойти вон к той двери. Повернуть дверную ручку и войти.

Так она и поступила, поражаясь собственной решительности. Она действовала, как автомат, запрограммированный на выполнение конкретной задачи.

Войдя в кабинет, она неслышно затворила за собой дверь. Велика была вероятность того, что хозяин дома, знавший, что его помощница ненадолго отлучилась, находился сейчас в соседнем помещении.

Она осмотрелась, удивленная современным убранством кабинета, контрастировавшим со стилем остальных известных ей здешних комнат. На стене напротив письменного стола из светлого дерева висела репродукция картины Миро. А может, не репродукция, а оригинал. Но на то, чтобы подойти и проверить, времени не было. Она отодвинула кресло, опустилась на колени перед этажеркой с выдвижными ящиками и достала из кармана салфетку, в которую была завернута отмычка.

Она сто раз тренировалась на ящике того же типа, чтобы научиться отпирать замок, не повреждая его. Это был замок с пластинчатыми пружинами модели Yale, для которого знакомый Салли-Энн посоветовал и продал ей отмычку-щуп с наконечником в форме половинки креста. Широкую на конце и узкую у основания, ее легко было вставлять и так же легко извлекать. Она припомнила накрепко заученный урок: постараться ничего не поцарапать внутри, чтобы не оставить металлических заусениц, которые заблокировали бы механизм и указали на взлом, держать рукоятку строго горизонтально напротив цилиндра, медленно вводить отмычку, нащупывать штифты и аккуратно, чуть приподнимая, надавливать на каждый, стараясь не повредить... Она почувствовала, как первый штифт встает в бороздку, осторожно продвинула головку отмычки, пока не приподнялся второй штифт, потом настал черед третьего. Затаив дыхание, Мэй медленно провернула ротор замка и высвободила ящик.

Завершающая часть – запереть замок и извлечь инструмент – была не менее деликатной и ответственной. Выдвигая ящик, Мэй постаралась, чтобы отмычка не шелохнулась.

Очки, пудреница, щетка для волос, тюбик губной помады, баночка крема для рук... Где эта чертова папка? Она схватила пачку документов и стала разбирать их по листочку на письменном столе. Вот и список приглашенных. Сердце Мэй пустилось вскачь, стоило ей подумать о том, как она рискует всего лишь ради того, чтобы добавить в этот список два лишних имени.

– Успокойся, Мэй, – пробормотала она, – ты почти у цели.

Судя по настенным часам, в ее распоряжении было еще не менее четвери часа. А вдруг в этот раз мисс Вердер достигнет желаемого раньше обычного?

– Брось эти мысли, не для того она куда-то тащится, чтобы потом отказаться от вступительных ласк. Если бы спешила, занялась бы самоудовлетворением, и дело с концом.

На письменном столе стояла пишущая машинка, классический «Ундервуд». Мэй вставила в нее лист со списком, опустила зажим, провернула валик, установила разрядку. Из-под валика выполз белый краешек бумаги.

У Мэй были заготовлены два псевдонима – для себя и для Салли-Энн. Она добавила адрес почтового ящика, который специально завела на прошлой неделе на центральном почтамте. Рано или поздно полиция, без всякого сомнения, внимательно изучит этот список, выискивая виновных в преступлении. Но две вымышленные фамилии без реальных домашних адресов ничего не подскажут сыщикам. Она начала печатать первое имя, совсем легко касаясь клавиш – лишь бы молоточки со шрифтом достигали ленты. Прежде чем перевести строку, она долго искала, как избежать звоночка, сопровождающего эту манипуляцию. Убедившись, что это ей не под силу, она зажмурилась и...

– Мисс Вердер? Вы уже вернулись? – спросили из соседней комнаты. Мэй застыла как в столбнячной судороге. Потом сползла с кресла и скорчилась под столом в позе зародыша. До ее слуха донеслись шаги, дверь приоткрылась, в щель просунул голову, держась за дверную ручку, мистер Стэнфилд.

В кабинете, как всегда, царил порядок, его секретарь отличалась аккуратностью; пишущая машинка не привлекла его внимания. Мэй невероятно повезло: мисс Вердер ни за что не ушла бы, оставив в машинке лист бумаги. Он пожал плечами и закрыл дверь, ворча, что ему, вероятно, послышалось.

Прошло несколько минут, прежде чем Мэй сумела унять дрожь в руках. На самом деле дрожали не только руки – ее всю трясло, потому что еще никогда в жизни она не переживала такого испуга.

Тиканье настенных часов вернуло ее к действительности. В ее распоряжении оставалось в лучшем случае минут десять. Всего десять коротких минут, чтобы напечатать второе имя и вымышленный адрес, сунуть листок на положенное место, запереть ящик, извлечь из замка отмычку и сбежать, пока секретарша не вернулась. Мэй опаздывала, она уже должна была вернуться к Салли-Энн, которая наверняка извелась там, на стоянке, от тревоги.

– Сосредоточься, черт бы тебя побрал, у тебя не осталось ни одной лишней секунды.

Удар по клавише, еще, еще... Если старый пень услышит стук и звонок, то вряд ли просто заглянет в дверь.

Готово! Теперь проверить валик, вынуть лист, сунуть его туда, где взяла, не спутав место в пачке бумаг, выровнять пачку – не на столе, а на ковре, чтобы не шуметь. Убрать пачку в ящик, задвинуть его, вытащить, не дыша, отмычку, уловить ухом щелчки штифтов – попробуй расслышь, когда сердце так колотится, что вот-вот выскочит из груди. Да еще пот заливают глаза. Еще миллиметр...

– Спокойно, Мэй, если отмычка застрянет, все рухнет.

В ходе репетиций отмычка не раз застревала в замке.

Наконец-то она зажала в потной ладони проклятый – нет, волшебный – инструмент. Спрятать его в карман, достать бумажный платок, вытереть ладонь, потом лоб. Если дворецкий заметит, что она уходит мокрая от пота, то обязательно заподозрит неладное.

Она вернулась в маленькую гостиную, поправила пальто и вышла. Шагая по длинной галерее, она молилась о том, чтобы ни с кем не столкнуться. Вот и широкая лестница. Спускаясь по ней, она очень старалась не перейти на бег. Предстояло еще сказать дворецкому хорошо поставленным голосом, что она больше не может ждать и вернется позже.

Ей улыбнулась удача: в холле было пусто. Она взялась за ручку служебной двери, вышла. Салли-Энн смотрела на нее со стоянки, уже оседлав свой мотоцикл. Мэй, не чувствуя ног, пошла в ее сторону. Салли-Энн дала ей шлем и кивком указала на сиденье у себя за спиной. Удар ногой по стартеру, урчание, потом рев мотора.

На следующем повороте они пронеслись мимо возвращавшегося черного «форда». Салли-Энн успела заметить выражение лица мисс Вердер: та сияла, на губах блуждала улыбка. Салли-Энн улыбалась точно так же, но совсем по другой причине.

6

Элинор-Ригби

Октябрь 2016 г., Бекенхем

Мы сидели за столом уже полчаса, а Мэгги все никак не объявляла о своем решении выйти замуж на симпатичного верзилу Фреда, хозяина гастроба в Примроуз-Хилл. У Мишеля было целых два повода радоваться. Во-первых, его сильно забавлял отец, которому не сиделось на месте: он вертелся, как ребенок, и почти не притрагивался к пище. Чтобы забыть о еде, папе нужно было сильно чем-то озаботиться, и Мишель прекрасно знал причину этой озабоченности. Но если хорошенько подумать – а Мишель после разговора с отцом в машине только этим и занимался, – то еще больше его радовало то, что имя Фреда не звучало, потому что лично ему этот Фред казался не таким уж симпатичным. В его доброжелательной манере обращаться к нему Мишель чувствовал лицемерие и огорчался. Уж не ставит ли верзила Фред себя выше его? Кухня в его пабе хороша, что правда, то правда, но для Мишеля истинным пиром была не еда, пусть даже самая лучшая, а книги, которые он жадно проглатывал в библиотеке. Он знал почти все названия, полки и секции, где они стояли. Удивляться этому не приходилось, ведь он сам их сортировал и расставлял. Свою работу Мишель обожал. В библиотеке царила тишина – какое еще занятие способно обеспечить такой покой? Читатели были по большей части безупречно любезны, и, находя для них в кратчайший срок то, что им требовалось, он чувствовал, что приносит пользу. Единственное, что его расстраивало, – зрелище оставленных на столах книг в конце дня. С другой стороны, будь читатели аккуратнее, у него убавилось бы работы. Логично? Еще бы!

Пока ему не доверили эту работу, Мишель корпел в лаборатории. Туда его взяли благодаря отметкам, полученным на экзамене на последнем курсе. У него были способности к химии, периодическая система элементов была для него не просто таблицей – она с ним разговаривала. Но его склонность проверять всё на практике угрожала его безопасности, а потому пришлось положить конец короткой карьере химика, поначалу казавшейся такой многообещающей. Папа возмущался этой несправедливостью и клеймил его начальство за узость взглядов, но это ничего не дало. Некоторое время Мишель провел нелюдимым затворником, не выходя из дому, но потом обрел радость жизни благодаря Вере Мортон, директрисе муниципальной библиотеки. Она дала ему новый шанс, и он поклялся себе, что не обманет ее доверия. Простота поиска в интернете повлияла на посещаемость библиотеки: бывало, туда за целый день не заглядывал ни один читатель. Мишель пользовался этим, чтобы читать запоем – главным образом трактаты по химии, а также биографии, к которым тоже пристрастился.

С самого начала трапезы я молча наблюдала за отцом. Мэгги, наоборот, без умолку трещала, хотя ничего толком не говорила – ничего, что оправдывало бы ее монополию на застольную болтовню. Ее говорливость заметно донимала Мишеля. Она была явно взбудоражена, что, вероятно, предвещало объявление, которого ему не хотелось слышать. Когда Мэгги, сев напротив папы, взяла его за руку, Мишель решил, должно быть, что она хочет его задобрить. Вообще-то Мэгги не любительница тактильных контактов. Каждый раз, когда Мишель ее обнимает, приветствуя или прощаясь, она отбивается и жалуется, что он ее душит. А ведь Мишель всегда очень осторожен и стискивает ее вполсилы. Он давно пришел к выводу, что таким способом Мэгги пытается избежать его объятий, и раз ей не нравится обниматься с родным братом, значит, его теория безусловно верна.

Папа, тоже удивленный этим необычным приступом дочерней нежности, затаил дыхание, надеясь, что подошло время долгожданного объявления. То, что Мэгги выходит замуж, в порядке вещей, но его интересовало прежде всего, когда это произойдет.

– Знаешь, дорогая, хватит болтовни, ты что, смерти моей хочешь? Говори, когда! Идеально было бы через три месяца; один в месяц – более-менее разумный ритм. Ты же понимаешь, в моем возрасте не очень-то легко их сбрасывать.

– Прости, ты это о чем? – удивленно спросила Мэгги.

– О килограммах, от которых я должен избавиться, чтобы влезть в свой смокинг!

Я уставилась на сестру: мы обе были совершенно сбиты с толку. Мишель вздохнул и решил помочь сразу всем.

– Для свадьбы. Смокинг – это для свадьбы, – объяснил он.

– Ты ведь для этого нас собрала? – подхватил папа. – Кстати, где он сам?

– Кто?

– Симпатичный Фред, – лаконично ответил за папу Мишель.

– Так, давайте немного подождем, и если через полчаса вам не полегчает, я отвезу вас обоих в больницу, – заявила Мэгги.

– Ты это прекрати, Мэгги, очень тебя прошу! «Скорую» придется вызвать для тебя самой, если ты продолжишь в том же духе. Что ты еще задумала? Чего бы это мне ни стоило, я облачусь в праздничный костюм. Он всегда был мне великоват, так что, если постараться не дышать, мне удастся застегнуть пуговицы. Он, правда, коричневый, а для таких случаев этот цвет не очень подходит, но в исключительных обстоятельствах – исключительные меры. Все-таки мы в Англии, а не в Лас-Вегасе, так что если не будет достаточно времени на подготовку к счастливому событию, ну что ж, пусть так, это не повод горевать.

Мы с сестрой снова переглянулись. Я первой расхохоталась как безумная и немедленно заразила всех. То есть папа некоторое время держался, но недолго: он всегда был ужасно смешлив, так что в конце концов не утерпел и тоже рассмеялся. Мэгги, отсмеявшись и отдышавшись, вытерла глаза и сделала глубокий вдох, намереваясь что-то сказать.

Тут неожиданно-негаданно явился Фред, отчего все опять покатились со смеху. Кроме самого Фреда, недоумевавшего, что нас всех так развеселило.

– Допустим, вы не женитесь, – выдавил наконец наш отец. – Зачем тогда ты собрала нас на ужин?

– Не волнуйся! – крикнула Мэгги своему молодому человеку, снимавшему пальто.

– Просто чтобы собраться всей семьей, – поспешно вмешалась я.

– Эта причина более обыденная, а значит, совершенно логичная, – вставил Мишель. – С точки зрения статистики.

– Собраться всей семьей можно было бы и дома, – возразил папа.

– Тогда мы бы столько не смеялись, – выдвинула свой аргумент Мэгги. – Можно задать тебе вопрос? Когда вы с мамой познакомились, она была богатой?

– В семнадцать-то лет?

– Нет, позже, когда вы встретились опять.

– Ни в семнадцать лет, ни в тридцать, вообще никогда. У нее не хватило денег даже на автобус, чтобы уехать с вокзала, откуда я ее забрал на машине... когда мы встретились снова, – добавил он задумчиво. – Возможно, она даже не позвонила бы мне в тот вечер, когда поезд привез ее сюда уже в полной темноте, если бы у нее в кармане было чуть больше монеток, чем на один телефонный звонок. А вообще-то, дети мои, настало время кое в чем вам признаться. Ты, Фред, еще не член нашей семьи, но все равно слушай, только, пожалуйста, никому не рассказывай.

– В чем признаться? – ахнула я.

– Помолчишь – узнаешь. Мы несколько приукрасили обстоятельства, при которых наша история началась вновь. Ваша мать не появилась чудесным образом, потеряв голову от любви ко мне – единственному приличному человеку, с которым ее свела судьба, как мы иногда вам рассказывали.

– Всегда рассказывали, – поправил его Мишель.

– Согласен, всегда. На самом деле вашей матери, вернувшейся на родину, негде было переночевать. Я был единственным во всем городе, кого она знала. Вот она и отыскала меня в справочнике в кабине телефона-автомата. Тогда не было интернета, но найти человека все равно не составляло труда. «Донован» – не самая распространенная фамилия, жителей Кройдона, носивших ее, было всего двое. Второй – семидесятилетний бездетный холостяк. Можете представить себе мое удивление, когда в трубке раздался ее голос. Была поздняя осень, холод стоял собачий. Она сказала мне – я помню каждое слово, словно это было только вчера: «Рэй, ты имеешь полное право бросить трубку. Но у меня нет никого, кроме тебя, и я не знаю, куда идти». Что прикажете ответить женщине, говорящей вам: «У меня нет никого, кроме тебя»? Я сразу понял, что судьба соединила нас навсегда. Я прыгнул в свой «остин» – да-да, не смотрите на меня так, в тот самый, что стоит перед дверью и по-прежнему на ходу, назло крестину соседу, – и помчался за ней. Вы не станете спорить, что жизнь доказала мою правоту, потому что спустя тридцать пять лет, сегодня вечером, я имею счастье делить эту несъедобную пиццу с тремя моими чудесными детьми и моим не-зятчем.

Мы все на него уставились в молчании близком к благоговейному. Папа откашлялся и проговорил:

– Пожалуй, мне пора увозить Мишеля.

– Почему ты имел полное право бросить трубку? – спросила я.

– Об этом в другой раз, родная, если тебе все еще будет интересно. Эти воспоминания требуют от меня некоторых усилий, а сегодняшний вечер я бы предпочел завершить на веселой ноте, поскольку посмеялись мы на славу. Не хочется отходить ко сну в черной тоске.

– Выходит, в первой главе вашей истории, когда вам было между семнадцатью и двадцатью годами, это она тебя бросила?

– Он же сказал – в другой раз! – вмешалась Мэгги, не дав отцу ответить.

– Именно так, – подал голос Мишель. – Но все гораздо сложнее, чем кажется, – добавил он, поднимая указательный палец.

Есть у Мишеля эта привычка – поднимать указательный палец: так он тормозит поток мыслей, бушующий у него в голове. Он замолк, все мы затаили дыхание, и через несколько секунд он продолжил:

– На самом деле папа высказал желание больше ничего не рассказывать сегодня вечером. Я думаю, что в «другой раз» предполагает, что он может передумать... в другой раз.

– Мы всё поняли, Мишель, – остановила его Мэгги.

Добившись ясности, Мишель отодвинул свой стул, напялил макинтош, поцеловал меня, вяло потряс руку Фреду и изо всех сил стиснул в объятиях Мэгги. Исключительные обстоятельства – исключительные меры... В этих объятиях был дополнительный смысл: он воспользовался ими, чтобы прошептать ей на ухо поздравления.

– С чем ты меня поздравляешь? – так же шепотом спросила его сестра.

– С тем, что ты не выходишь за Фреда, – ответил ей Мишель.

* * *

На обратном пути отец и сын молчали, пока машина не остановилась под домом Мишеля. Наклонившись, чтобы открыть дверцу и выпустить сына, Рэй внимательно на него посмотрел и очень ласково спросил:

– Ты ведь ничего им не скажешь? Понимаешь, я должен сам рано или поздно рассказать им об этом.

Мишель, тоже пристально глядя на отца, ответил:

– Можешь спать спокойно, папа, никакой черной тоски. Я, правда, не думаю, что тоска бывает разных цветов, но обязательно завтра проверю в библиотеке.

После этих слов он чмокнул отца в щеку и вылез из «остина». Тот подождал, пока сын войдет в подъезд, и только после этого тронулся с места.

7

Элино́р-Ригби

Октябрь 2016 г., Бекенхем

Я встала из-за стола – не хотелось мешать парочке. Фред и Мэгги уже десять минут как уединились на кухне. Я заглянула туда, чтобы попрощаться.

Фред, вооружившись полотенцем, вытирал чашки. Мэгги сидела у кухонной стойки, закинув ногу на ногу, и курила, выпуская дым в форточку. Она предложила вызвать для меня такси. Еще не хватало: ехать от нее ко мне на такси – форменное разорение. Я поблагодарила ее и сказала, что лучше поеду на поезде.

– Я решила, что ты уехала с папой, – сказала она. Вот характер, даже не скрывает свое лицемерие! – Разве ты ночуешь не у него?

– Думаю, сегодня вечером ему хочется побыть одному. Что до меня, то я должна себя заставить снова зажить лондонской жизнью.

– Полностью с тобой согласен! – поддержал меня Фред, щелкая краем резиновой перчатки. – Бекенхем и Кройдон – слишком отдаленные пригороды.

– Можно сказать и по-другому: Примроуз-Хилл слишком далеко от моего пригорода, и там слишком задирают нос, – фыркнула Мэгги, швыряя окурки в полную воды раковину.

– Что ж, голубки, оставляю вас, воркуйте дальше. – Я продела руки в рукава пальто.

– Фред с радостью отвезет тебя на станцию в своей замечательной машине. Да что там, он может отвезти тебя в Лондон и переночевать в своем замечательном Примроуз-Хилле.

Я вытаращила на сестру глаза. Как она умудряется всегда держать при себе мужчину, не пытаясь даже изображать элементарную любезность, тогда как я, воплощение любезности, мучаюсь от одиночества, которому не видно конца? Еще одна загадка...

– Ты хочешь, чтобы я тебя отвез, Элби? – спросил Фред, аккуратно складывая кухонное полотенце.

Мэгги вырвала полотенце у него из рук и швырнула в корзину с грязным бельем.

– Дам тебе маленький дружеский совет. Право называть ее урезанным именем предоставлено только Мишелю, она этого терпеть не может. И еще: мне надо подышать воздухом, пойду пройдусь с ней, заодно провожу.

Мэгги схватила свитер, бросилась к двери и за руку выволокла меня на улицу.

Вдоль тротуаров, поблескивавших в оранжевом свете фонарей, выстроились скромные викторианские домики, по большей части одноэтажные, редко – в два этажа, и кирпичные многоквартирные дома с облезлыми фасадами; кое-где зияли пустыри.

На перекрестке квартал оживал. Мэгги поздоровалась с бакалейщиком-сирийцем, никогда не закрывавшим свою лавку. Его заведение служило условной границей, за которой начиналась лучше освещенная торговая улица. С прачечной-автоматом соседствовал киоск, торговавший кебабами, дальше располагался индийский ресторан, где сидели всего два посетителя. Заколоченная досками витрина бывшего видеоклуба была заклеена афишами, по большей части рваными. Пока мы шагали вдоль ограды парка, полностью стемнело. Вскоре запахло железом рельс и мокрым гравием – ни с чем не сравнимый запах железнодорожных путей. Перед станцией я опять вздохнула.

– Что-то не так? – спросила Мэгги.

– Почему ты с ним, раз все время только и делаешь, что затыкаешь ему рот? Какой тебе в этом интерес?

– Ты бы выбирала выражения, что ли! Что за интерес терпеть парня, если нельзя заткнуть ему рот?

– Лично я в таком случае предпочитаю оставаться одна.

– Именно это, если не ошибаюсь, с тобой и происходит.

– Твоя правда! Но ты стерва, раз говоришь мне такое.

– Ты мне льстишь. Тебе не кажется, что сегодня вечером мы потерпели полный провал?

– На кухне убиваться не пришлось, а повеселиться удалось на славу. Что за муха его укусила? Я про историю их с мамой женитьбы. Может, ему внуков захотелось? – предположила я.

Мэгги остановилась, словно на что-то наткнулась, приставила палец к моему животу и продекламировала:

*Эне, бене, раба,
Квинтер, финтер, жаба.
Эне, бене, рес,
Квинтер, финтер, жес!*

Потом, закончив считалочку, произнесла:

– Извини, старушка, но это скорее из твоего репертуара. У меня, например, нет ни малейшего желания заводить детей.

– С Фредом или вообще?

– Одно могу сказать: у нас есть ответ на главный вопрос сегодняшнего вечера. Мама была без гроша, когда они с папой снова встретились.

– Допустим, – сказала я. – Но сегодня вечером возникли новые вопросы.

– Ну и ладно. Нечего делать из мухи слона. Мама бросила папу, когда они были совсем молоды, а спустя десять лет покорно к нему вернулась.

– У меня впечатление, что на самом деле все гораздо сложнее.

– Тебе бы бросить мотаться по свету и посвятить себя журналистским расследованиям с сентиментальным уклоном.

– Иронизируй, сколько тебе влезет, мне до лампочки. Я тебе толкую о папе с мамой, о странном письме, которое мы получили, о темных периодах их жизни, о том, что они нам ввали. Разве тебе не хочется больше узнать о своих собственных родителях? Как я погляжу, тебя интересует один-единственный человек – ты сама!

– Возможно, только ты тоже стерва, раз говоришь мне такое.

– А между тем, несмотря на твои умозаключения, то, что у мамы не было ни гроша, лишь подтверждает обвинения из письма.

– По-твоему, если у человека пустые карманы, это непременно означает, что он отказался от большого состояния? – усмехнулась Мэгги.

– Тебе-то нужда не знакома, родители всегда тебя оберегали.

– Может, пригласить хор, чтобы он исполнил твою любимую песню, которую ты повторяешь постоянно? Мэгги, младшенькая, малышка в колыбельке, вокруг которой плясала вся семья. А может, припомнишь, кто из нас двоих имеет студию в Лондоне, а кто живет в пригороде, в часе езды на поезде? Кто круглый год колесит по свету, а кто торчит здесь и занимается папой и Мишелем?

– Мэгги, у меня нет ни малейшего желания ссориться. Мне хочется, чтобы ты помогла мне во всем этом разобраться, только и всего. Это письмо нам прислали не просто так. Даже если в нем все неправда, его по какой-то причине нам написали. Интересно, кто и зачем?

– Кто написал тебе! Ты забыла, что не должна была говорить мне о письме?

– А вдруг его автор достаточно хорошо меня знает, чтобы понимать, что я обязательно с тобой поделюсь? Вдруг он специально подталкивал меня к этому?

– Не исключено, конечно, более того, это самый удачный способ. Знаешь, в твоём голосе я слышу просьбу о помощи. Значит, так: пригласи папу в ближайшие дни пообедать где-нибудь в Челси, и все. Он, конечно, разворчится, но на самом деле обрадуется предложению вновь сесть за руль своего авто. Постарайся подобрать местечко по соседству с городской парковкой, он не захочет доверять свой антиквариат парковщику ресторана. Только ничего не говори, меня и так смех разбирает всякий раз, когда я об этом думаю. У меня есть ключи от дома, так что я там пороюсь, пока ты будешь его развлекать.

Мне никогда не приходило в голову манипулировать отцом, но за неимением лучшего я приняла предложение сестры.

На станции было пусто. В этот час поезда ждали только мы. Табло извещало о скором прибытии поезда с юго-востока в направлении поезда, пункт назначения – Орпингтон. Мне предстояло сделать пересадку в Бромли, оттуда доехать до вокзала Виктория, дальше сесть на автобус и выйти на остановке, от которой до моей студии было десять минут пешком.

– Знаешь, о чем я мечтаю именно сейчас? – обратилась ко мне Мэгги. – Сесть в этот поезд вместе с моей сестрой и поехать ночевать к ней в Лондон. Мы бы вместе улеглись в кровать и проболтали бы всю ночь.

– Мне бы тоже этого хотелось, но... Для этого ты тоже должна быть одна.

С дальнего конца платформы приближался, скрежеща тормозами, пригородный поезд. Когда он остановился и открыл двери, на перрон никто не вышел. Длинный гудок оповестил об отправлении.

– Беги, Ригби, а то опоздаешь! – поторопила меня Мэгги.

Мы обменялись заговорщическими взглядами, и я в последнюю секунду запрыгнула в вагон.

* * *

Фред поджидал Мэгги, лежа в постели. Телевизор был включен, показывали старую серию «Отеля “Фолти Тауэрс”». Оба молча уставились в экран, замороженные юмором Джона Клиза, потом вместе расхохотались над очередной выходкой чудака-лорда.

– Раз не хочешь за меня замуж, то, может, подумаешь хотя бы о переезде в Примроуз-Хилл? – спросил Фред.

– Я тебя умоляю, давай без притворства. Видел бы ты свою физиономию, когда мой отец заговорил о женитьбе!

– Ты быстро внесла ясность.

– Здесь живут папа и Мишель, а Лондон далеко, оттуда к ним не наездишься.

– Твой брат – взрослый мужчина, а отец уже прожил жизнь. Когда ты решишься наконец зажить своей?

Мэгги схватила пульт и выключила телевизор. Стянув с себя футболку, она уселась на Фреда верхом и уставилась на него.

– Почему ты так на меня смотришь? – спросил он.

– Потому что мы уже два года вместе, а меня иногда посещает мысль, что я почти ничего не знаю ни о твоей жизни, ни о семье, о которой ты и словом не обмолвился и с которой не подумал меня познакомить. При этом ты знаешь обо мне все-все и знаком с моей родней. Я даже не знаю, где ты рос, где учился и учился ли вообще...

– Потому и не знаешь, что никогда ни о чем меня не спрашиваешь.

– Ничего подобного, просто ты всегда уклоняешься от моих расспросов о твоём прошлом.

– Понимаешь, – заговорил он, целуя ее грудь, – у человека могут быть другие намерения помимо рассказов о своей жизни... Но раз ты настаиваешь, то пожалуйста: родился я в Лондоне тридцать девять лет тому назад...

Он заскользил губами вниз по ее животу.

– А сейчас помолчи... – простонала Мэгги.

8

Кит

Октябрь 1980 г., Балтимор

Сквозь слуховые окна лился серебристый лунный свет, в его косых лучах искрились повисшие в воздухе пылинки. Мэй крепко спала, завернувшись в мятую простыню, подчеркивавшую контуры ее тела. Салли-Энн сидела в ногах кровати и смотрела на нее, сторожа каждый вздох. Сейчас в этом была вся ее жизнь – смотреть, как спит Мэй. Казалось, весь остальной мир перестал существовать, вся Вселенная сконцентрировалась здесь, на этом бывшем складе. Час назад сны о прошлом заставили Салли-Энн проснуться. Ей снились знакомые застывшие, оценивающие, равнодушные лица. Она сидела на стуле посреди эстрады, и на нее были нацелены безжалостные взгляды. Нынешняя ее жизнь стала результатом юности, в которой она познала все, хотя ее никогда ничему не учили.

Могут ли два изломанных существа ожить оттого, что они вместе? Когда две боли соединяются, они складываются или, наоборот, вычитаются? – думала она.

– Который час? – пробурчала Мэй.

– Четыре утра или чуть больше.

– О чем ты думаешь?

– О нас.

– Это хорошие или плохие мысли?

– Спи давай.

– Не могу, когда ты так смотришь на меня.

Салли-Энн натянула сапоги и схватила со спинки стула куртку.

– Не люблю, когда ты гоняешь на мотоцикле по ночам.

– Не волнуйся, я буду осторожна.

– Это что-то новенькое. Останься, я заварю чай, – сказала Мэй.

Она встала, обмотавшись простыней, и прошла в другой конец комнаты. Газовая плита, несколько тарелок, разнокалиберные стаканы и две фарфоровые чашки на столике рядом с раковиной – чем не кухня? Мэй поставила чайник под кран и пустила воду. Поискала в старинной аптечке, переделанной в мини-буфет, коробку с чаем, привстала на цыпочки и достала два пакетика «Липтона», взяла из глиняного горшочка два кусочка сахара, чиркнула спичкой и прикурила вспыхнувшее синеватое пламя.

– Не надо мне помогать.

– И не подумаю. Мне любопытно, справишься ли ты одной рукой, – ответила Салли-Энн с лукавой улыбкой.

Мэй пожала плечами, опустила руку – и простыня упала на пол.

– Будь добра, положи простыню на кровать, терпеть не могу спать в пыли.

Она налила чай, подала чашку Салли-Энн, взяла свою и по-турецки уселась на матрасе.

– Приглашения пришли, – пробормотала Салли-Энн, отводя взгляд.

– Когда?

– Вчера днем, я заехала на почту и проверила почтовый ящик.

– Но ты не сочла нужным сообщить мне об этом раньше.

– Не хотелось портить вечер. Ты бы ни о чем больше думать не могла.

– Мне не нравятся типы, с которыми мы проводим время, их примитивная болтовня про политику навевает на меня скуку. Разглагольствуют о том, как намерены изменить мир, а сами

способны только на то, чтобы курить травку. Мне неприятно тебя разочаровывать, но я не получила от этого ужина ни малейшего удовольствия. Ты покажешь мне приглашения?

Салли-Энн вынула из кармана два конверта и небрежно бросила их на кровать. Мэй открыла тот, что был адресован ей, погладила пальцем визитную карточку, пощупала рельефные буквы и задержала взгляд на дате. Ждать оставалось две недели. Женщины нацепят на этот вечер свои лучшие драгоценности, выберут самые экстравагантные наряды, мужчины оденутся не менее экстравагантно, хотя найдутся старые брюзги, которые, не желая вступать в навязанную игру, явятся в смокингах и ограничатся черными полумасками, прячущими лицо.

– Никогда в жизни я так не волновалась, как перед этим балом-маскарадом! – усмехнувшись, призналась Мэй.

– Не перестаю тебе удивляться. Я думала, что эти приглашения тебя напугают.

– Нет, я больше не боюсь. Снова побывав в их доме, я забыла про страх. Когда мы уехали, до меня дошло, чего мне стоило опять туда сунуться. Я дала себе слово, что больше ни за что не стану их бояться.

– Мэй...

– Хочешь – отправляйся носиться на своем мотоцикле, а хочешь – оставайся со мной. Тебе решать.

Салли-Энн подняла с пола простыню и укрыла Мэй. Потом быстро разделась и улеглась рядом, снова лукаво улыбаясь.

– Что теперь? – спросила Мэй.

– Ничего. Мне нравится, когда ты становишься такой мстительной.

– Хочу, чтобы ты кое-что знала. Это касается меня одной, но мне хочется поставить тебя в известность. Я не позволю, чтобы меня взяли живой.

– Что ты болтаешь?

– То, что слышала. Ты меня отлично поняла. Жизнь слишком коротка, чтобы отягощать ее мелкими огорчениями.

– Смотри мне в глаза, Мэй. По-моему, ты совершаешь непростительную ошибку. Думать только о мести – значит придавать этим людям слишком большое значение. Ведь речь идет только о том, чтобы отобрать у них то, что попало к ним незаслуженно.

Это был коронный сюжет Салли-Энн. Она не могла не думать о своем круге, о людях, получивших от жизни все. О тех, кто в силу своего положения просто берет то, о чем другие просят, пользуется тем, о чем другие могут только мечтать. О всемогущих кланах, члены которых, уверенные в своем превосходстве, смотрят на других свысока и оттого вызывают еще больше зависти и восхищения. Отвергать, чтобы соблазнять и становиться объектом желания, – разве это не верх хитроумия?

Для того чтобы больше не походить на них, она поменяла свою жизнь, район проживания, облик, даже пожертвовала волосами – стала стричься под мальчика. В воздухе пахло свободой, и Салли-Энн перестала интересоваться парнями, предпочтя им благородную цель. Ее страна, похвалявшаяся своими свободами, раньше жила за счет рабства, потом на смену ему пришла расовая сегрегация; даже спустя шестнадцать лет после принятия в 1964 году законов о равенстве ничто не изменилось в человеческих мозгах. Раньше за свои права бились чернокожие, теперь настала очередь женщин, и, судя по всему, эта борьба будет долгой. Салли-Энн и Мэй, сотрудницы крупной ежедневной газеты, были образцовыми солдатами этой войны. Они занимались журналистскими расследованиями и уже достигли высших ступеней иерархической лестницы, доступных в их профессии для женщин. Но если им полагается только искать информацию и получать за это деньги, то почему они же пишут почти все статьи, а потом надменные мужчины, наскоро пробежав их глазами, охотно подписывают своим именем?

В их тандеме более одаренной была Мэй. У нее был настоящий нюх на горячие темы. Те, что лишают покоя привилегированное сословие, подстегивают медлительные власти, застав-

ляя их заняться обещанными реформами. Два месяца назад она заинтересовалась лоббистами, подкупавшими сенаторов, чтобы те меньше усердствовали с принятием законов против коррупции и загрязнения окружающей среды, на которую плевать хотели предприниматели, забывшиеся только о своих прибылях, против торговли оружием, куда более выгодной, чем школьное образование для детей из малоимущих семей, против реформы правосудия, оставившей от этого самого правосудия одно название. Свободное время Мэй тратила на очередное многообещающее расследование, в связи с которым часто навещалась в один город: тамошнее водохранилище с питьевой водой без зазрения совести загрязняла одна горнодобывающая компания, обильно сливавшая в реку, питающую водохранилище, отходы с высоким содержанием свинца и нитратов. И руководство компании, и ее управляющий совет, и мэр города, и губернатор штата всё прекрасно знали, но они либо были акционерами компании, либо пользовались ее щедротами. Мэй собрала кучу доказательств преступной деятельности, сведений о ее последствиях для здоровья населения, о вопиющем несоблюдении требований безопасности, о свирепствующей среди глав города и штата коррупции. Но главный редактор, ознакомившись с ее статьей, попросил ее впредь ограничиться поисками и расследованиями по заказу газеты. Составленное ею досье он отправил в мусорную корзину, а ее попросил принести ему кофе и не забыть про сахар.

Мэй проглотила слезы и отказалась подчиниться. Не следует верить поговорке, внушала ей Салли-Энн, утешая вечером, месть хороша, пока горяча, а остыв, теряет всякий вкус. Вскоре – дело было в конце весны, в дешевом итальянском ресторанчике – созрел план, которому суждено было изменить их жизнь.

– Будем сами выпускать газету с журналистскими расследованиями, где не будет ни намека на цензуру, где можно будет публиковать всю правду! – возбужденно воскликнула Салли-Энн.

Поскольку друзья, с которым они ужинали, не обратили на это предложение ни малейшего внимания, Мэй недолго думая вскарабкалась на стол – а как еще добиться внимания?

– Редакторами будут только женщины, – предупредила она, поднимая бокал. – Для лиц мужского пола будут доступны только должности секретарей и стенографистов. В лучшем случае они смогут готовить документацию.

– Это только усугубит то зло, против которого мы намерены бороться, – не согласилась с Мэй Салли-Энн. – Мы должны использовать способности человека, не обращая внимания на его пол, цвет кожи и религию.

– Ты права, место в управляющем совете можно будет предложить Сэмми Дэвису-младшему².

Прямо там, в ресторанчике, в окружении приятелей, тоже нетрезвых, как и они, стали вырисовываться контуры их проекта. На бумажной скатерти уже рисовали схемы помещений, в первую очередь – редакционного зала. Ронда, самая солидная в их компании (болтали, будто бы она, прежде чем взяться за ум, якшалась с «Черными пантерами»), работала помощником бухгалтера в филиале «Проктер энд Гэмбл». У нее имелся богатый опыт, и она тут же принялась набрасывать финансовый план. Она составила список руководящих должностей, прикинула должностные оклады, вывела цифры бюджета на аренду помещения, расходные материалы и журналистские расследования. Пообещала в кратчайший срок выяснить, во сколько будут обходиться бумага, типографские работы и доставка, а также из какого процента согласятся работать распространители и продавцы. Сразу стало ясно, что этот незаменимый человек – готовый финансовый директор.

² Чернокожий американский эстрадный артист, киноактер и певец.

– Даже если представить невозможное – что вам удастся собрать необходимые финансы, – ваше сомнительное творение никто не захочет печатать, а тем более продавать, – заметил Кит. – Издаваемая женщинами скандальная газетенка? Ну вы и оптимистки, скажу я вам!

У Кита, здоровенного парня, телосложением схожего с медведем, была квадратная физиономия, тяжелая нижняя челюсть и ярко-голубые глаза. Сначала он приглянулся Салли-Энн, и она несколько недель вела с ним игру. Ради того, чтобы оказаться в ее постели, Кит готов был достать с неба луну. Под массивным тяжеловесным панцирем скрывался нежный любовник с ласковыми руками, как раз во вкусе Салли-Энн. Но как ни хорошо им было вдвоем, Салли-Энн не привязывалась к мужчинам, и уже спустя полтора месяца их забавы ей наскучили. Мэй была равнодушна к Кита, что не укрылось от Салли-Энн. Она понимала: соперничество могло бы помешать их дружбе. Не раз она потом спрашивала себя, не потому ли бросила Кита, оставив его Мэй. «Забирай его себе!» – заявила она подруге как-то утром, после сцены прощания с Китом. Мэй не собиралась пользоваться обедками с ее стола, но Салли-Энн настаивала. «Представляется шанс получить удовольствие – пользуйся, – наставляла она подругу. – Думать будешь потом. Поверь мне, те, кто поступает иначе, – страшные зануды. Они, бедняги, сами на себя наводят скуку». С этими словами Салли-Энн отправилась в душ. Мэй пришла к выводу, что, даже провозгласив себя бунтарками, они обе не избавились от высокомерия.

С тех пор всякий раз, встречаясь взглядом с Китом, она гнала от себя мысли о его любовных шалостях с Салли-Энн, которые та порой ей описывала. Однако в тот вечер она презрительным тоном поставила его на место:

– Не беспокойся, деньги мы найдем. Интересно, что ты скажешь, когда будешь, прилипнув задницей к креслу, читать нашу газету?

Все покатались со смеху. Никто еще не осмеливался прилюдно унижать этого медведя. Ко всеобщему удивлению, Кит встал, обошел стол, навис над Мэй – и принес ей извинения.

– Можешь на меня рассчитывать. Обещаю быть среди ваших первых подписчиков.

Кит работал столяром, скромной зарплаты ему хватало на удовлетворение своих потребностей, но никакой роскоши он позволить себе не мог. Запустив пятерню в карман джинсов, он достал десятидолларовую купюру – в 1980 году это были какие-никакие деньги – и положил перед ней.

– Этого хватит на несколько акций вашей газеты, – добавил он и покинул ресторанчик, провожаемый удивленными взглядами всей компании. Мэй, не обращая ни на кого внимания, бросилась за ним вдогонку с десяткой в руке. На улице она громко окликнула его.

– С чего ты взял, что этого достаточно, чтобы стать нашим акционером? На несколько первых номеров может быть, но акции?!

– Тогда считай это авансом в счет моей подписки.

И Кит зашагал дальше. Мэй долго смотрела на его удаляющуюся спину, потом вернулась к друзьям, еще более решительная, чем прежде. Она всем докажет, на что способна! Самое главное, она намеревалась доказать это самой себе. У Салли-Энн были иные мотивы, но точно такие же намерения, так что будущее у них отныне стало общим. Оставалось наскрести средств на газету, выход которой станет поперек горла любому состоятельному человеку в штате. В тот вечер подругам и в голову не приходило, что если судьба и позволит им осуществить этот проект, то только ценой преступления.

Мэй постаралась прогнать воспоминания о том пьяном вечере, когда все началось. Натянув на плечи простыню, она повернулась на другой бок. Салли-Энн обняла ее и закрыла глаза.

9

Элино́р-Ригби

Октябрь 2016 г., Кройдон

Вставив ключ в замок, Мэгги убедилась, что дверь не заперта, а просто захлопнута. Первый же взломщик проник бы в квартиру так же просто, как она. Сколько раз она просила отца запереть дверь на ключ, уходя! Он всякий раз отвечал, что живет здесь с незапамятных времен и еще ни разу не становился жертвой ограбления.

Она повесила пальто на вешалку и сделала несколько осторожных шагов по коридору. Возиться в кухне смысла не было: мама никогда ничего не спрятала бы в папином любимом помещении. Ленъ нашептывала ей, что она поставила перед собой неразрешимую задачу и что лучше сразу признать поражение: что толку заниматься бессмысленными поисками? Она рассеянно прикидывала, где начать: в спальне, в ванной, в чулане? Если начнет с чулана, то не ждет ли ее там люк или тайник под полом? Она подумала, что лучше уйти, только надо будет захлопнуть дверь, а не запира́ть, иначе отец сообразит, что она тайком побывала у него дома. Известно, что за этим последует: со своей неизменной приветливостью он похлопает ее по плечу и скажет: «Ты, Мэгги, повсюду видишь опасность».

Когда ей на плечо легла чья-то рука, она вскрикнула и обернулась. Перед ней стоял отец, удивленно тараща глаза.

– Что ты здесь делаешь, почему не позвонила? – спросил он.

– Я... – пролепетала она.

– Я слушаю.

– Я думала, ты обедаешь с Элби...

– Я тоже так думал, обед планировался, но «остин» заартачился – не пожелал заводиться.

Ничего не поделаешь, придется лезть под капот.

– Она могла бы меня предупредить! – ляпнула Мэгги.

– «Остин» у меня мальчик.

– Я про Элби.

– Сердишься, что она не предупредила тебя о поломке моего мальчика? – спросил он с добродушным смехом. – Лучше перестань по любому поводу искать ссоры с сестрой, терпеть не могу, когда вы бранитесь. Целых тридцать лет жду, когда вы наконец соберетесь повзрослеть. Можешь не сомневаться, я ей твержу то же самое всякий раз, когда она...

– Когда она... что?

– Ничего, – махнул рукой папа. – Выкладывай, что тебе здесь понадобилось.

– Я... Я искала документы.

– Давай продолжим разговор на кухне. Я как раз собирался сделать себе сэндвич. Как видишь, день, начинавшийся неважно, продолжился неплохо: так или иначе мне светит обед с одной из дочерей. Только сделай милость, ничего не рассказывай сестре, а то она, чего доброго, вообразит, что я ее обманул насчет машины, потому что предпочел ей тебя, и так далее и тому подобное... – И папа воздел руки к потолку, словно опасаясь, что тот на него рухнет. – Только этого нам не хватало!

Он открыл дверцу холодильника, достал нехитрую снедь и попросил Мэгги накрыть на стол.

– Ну, что у тебя за проблема, милая? Если тебе нужны деньги, так и скажи. Ты на мели?

– Уверяю тебя, у меня все в порядке. Просто мне понадобилось... свидетельство о рождении.

Сказала – и удивилась, как ей могло прийти в голову такое слабое объяснение.

– Вот оно что! – воскликнул папа с нескрываемой радостью.

– Что тебя так радует? – спросила Мэгги, изображая равнодушие.

– Ну как же! Ты приходишь за свидетельством о рождении в очевидной спешке. Наверняка прикинула, что мы с Элби закончим обед где-то в 14.30, а на обратном пути я обязательно застряну в этих чертовых пробках. Политики десятилетиями транжирят миллиарды, но никак не придумают, как покончить с проблемами уличного движения – это в двадцать первом-то веке! Я бы всех их выгнал взащей за профнепригодность!

– Ну, не преувеличивай...

– Я нисколько не преувеличиваю, просто излагаю свою точку зрения. Но не будем отвлекаться от главной темы. Ты вычислила, что до четырех часов дня я ни за что не вернусь, а так долго ждать не могла, потому и нагрянула.

Мэгги, не понимая логику нашего папочки, благоразумно решила помалкивать.

– Ага! – повторил он.

Она сложила руки на столе и уронила на них голову.

– Когда мы разговариваем, у меня иногда создается впечатление, что я попала в шоу «Монти Пайтон»³, – пробормотала она.

– Хотела нагрубить? Не вышло: я воспринимаю это как комплимент. Ты воображаешь, будто я не понимаю, что ты хотела найти, – вот это-то меня и огорчает. Мэрия закрывается в четыре, правильно? – И папа весело подмигнул.

– Возможно. Только что я, по-твоему, забыла в мэрии?

– Предположим, ты решила сделать у себя ремонт и настолько довольна жизнью, настолько признательна родителям, произведшим тебя на свет, что придумала вывесить в гостиной свое свидетельство о рождении. Логично? Вполне! Ладно, шутки в сторону, я свалил дурака, когда заговорил о твоём замужестве в присутствии твоих брата и сестры, и прошу у тебя прощения, но сейчас-то, когда мы с тобой одни, ты можешь мне во всем признаться. Кому, как не мне, ты всегда первому рассказывала свои тайны?

– Но у меня в мыслях нет выйти замуж, ни минуты об этом не думала, клянусь, папа, немедленно выкинь это из головы!

Папа, с подозрением глядя на дочь, поставил перед ней тарелку с сэндвичами, которые успел приготовить за разговором.

– Лучше поешь, ты выглядишь ужасно.

Мэгги не стала спорить и впила зубами в ломтик тостового хлеба. Папа, ничего не говоря, пристально смотрел на нее. Но он не выносил долгого молчания.

– Банк попросил меня предоставить кое-какие документы! – выпалила она, довольная своей выдумкой.

– Ты обратилась за кредитом? Видишь, я не ошибся, у меня еще сохранилось чутье, когда речь заходит о моих девочках. Если тебе понадобились деньги, почему ты не обратилась ко мне? У банков-кровопийц заоблачные проценты по займам, а когда заходит речь о том, чтобы вернуть нам то, что мы сами им одолжили, деньги почему-то обесцениваются!

– Разве ты одалживал деньги своему банку? – насторожилась Мэгги. А вдруг тут и кроется ответ на вопрос, куда подевалось мнимое мамино богатство?

Но папин ответ ее разочаровал: он, оказывается, имел в виду свои пенсионные накопления – несколько тысяч фунтов стерлингов, не приносящие совершенно никакого дохода, как он уточнил с горестным вздохом.

– Зачем тебе понадобился кредит? – спросил он. – Ты наделала долгов?

³ Знаменитая британская комик-группа, блиставшая на телевидении в 60–70-х гг. и оказавшая огромное влияние на комедийный жанр.

– Нет, что ты! Тут и говорить не о чем: просто заикнулась о краткосрочной ссуде. Ты же знаешь эту систему: казалось бы, пустяк, но они затребовали гору бумаг. Кстати, ты в курсе, где держала свои бумаги мама?

– Что значит – «в курсе»? Бумагами в этом доме всегда заведовал я. У твоей мамы они вызывали ужас. Давай я принесу то, что тебе нужно.

– Не беспокойся, просто скажи, где поискать, я сама...

Их разговор был прерван звонком в дверь. Папа недоумевал, кто бы это мог быть: он никого не ждал, а почтальон всегда приходил по утрам. Открыл дверь – а на пороге я.

– Сама приехала? – смущенно пробормотал папа.

– Как видишь. Заехала в редакцию и одолжила машину. Горе, а не машина: почти не едет!

– Я как раз говорил на эту тему с твоей сестрой.

– Как, Мэгги здесь?

– Представь себе! Только не думай, что я наврал про поломку своего мальчика. Ты не поверишь, – перешел он на шепот, – она заявила сюда тайком, надеясь не застать меня дома...

– Зачем? – спросила я, боясь того, что он скажет в ответ.

– Ты меня перебила, я как раз собирался все тебе объяснить. За документами, которые у нее запросили для предоставления краткосрочной ссуды. Твоя сестрица – та еще транжира!

Вышедшая в коридор Мэгги испепелила меня взглядом.

– Прежде чем наговорить лишних слов, о которых ты потом пожалеешь, загляни в свой мобильный, у меня палец устал писать тебе сообщения. Десять штук – не шутка! – выдала я скороговоркой.

Мэгги удалилась в кухню, где запустила руку в сумочку. У ее айфона оказался отключен звук. Она убедилась, что я очень старалась ее предостеречь, что папа дома.

– Зря я бранил свой «остин», на самом деле надо бы сказать ему спасибо за этот двойной сюрприз. Осталось только Мишелю подтянуться. Пойду погляжу, что еще завалялось в холодильнике. Знал бы, набил бы его битком.

Папа определенно испытал облегчение, убедившись, что я не подозреваю его ни в каких кознях.

Усевшись за стол, я попыталась вытянуть что-нибудь из Мэгги, но та сразу дала мне понять взглядом, что наш папа ничего не подозревает. Когда он скрылся в кухне, Мэгги со смехом уставилась в свой айфон.

– Мне не привиделось, Ригби? Ты действительно трижды отправила мне сообщение «задание отменяется»? Оказывается, ты до одури смотришь телевизор – таков мой неутешительный вывод.

Папа предстал перед нами с документом в руке.

– Вот, держи, – обратился он к Мэгги. – Правда, это не совсем свидетельство о рождении. Это часть нашего генеалогического древа, заверенная мормонским нотариусом. Думаю, твоему банку этого будет достаточно.

Я схватила документ раньше Мэгги.

– Как странно! – пробормотала я.

Папа, уже потянувшийся пальцем к кнопке электрочайника, чуть слышно выругался себе под нос.

– Выходит, вы с мамой поженились уже после нашего рождения?

– Может, и так, – смущенно пробормотал папа.

– Что значит «может, и так»? Здесь это указано черным по белому. Или ты запомнил дату собственного бракосочетания?

– Перед или после – какая разница? Мы не переставали любить друг друга до самой ее смерти. Чтоб вы знали, я люблю ее по сей день.

– Вы всегда рассказывали, что решили соединить ваши судьбы, как только встретились во второй раз.

– Наша история несколько сложнее того, что принято рассказывать детишкам, укладывая их в кроватку.

– Как это «несколько сложнее»?

– Ну вот, опять допрос! Я тебе говорил, Элби, в полиции ты добились бы еще больших успехов, чем в журналистике, – проворчал папа, зачем-то выдернув вилку из розетки и обмотал шнур вокруг чайника. – Тоже отдал Богу душу! – сообщил он сокрушенно. – Утром автомобиль, теперь чайник, будь он неладен! Определенно, сегодня не мой день.

Он достал из буфета кастрюлю, налил в нее воды и поставил на зажженную конфорку.

– Знаете, сколько уйдет времени, чтобы вскипятить холодную воду?

Мы с сестрой дружно покачали головой.

– И я не знаю. Ничего, скоро узнаем. – И он уставился на маятник настенных часов.

– Все-таки как понимать твое «несколько сложнее»? – повторила я свой вопрос.

Папа тяжело вздохнул.

– Первые недели после ее возвращения выдались трудными, – начал он. – Ей понадобилось время, чтобы приспособиться к жизни в пригороде, который в то время был не самым веселым на свете местом.

– Слова «в то время» – явно лишние, – сердито вставила Мэгги.

– На мой взгляд, твой Бекенхем ничем не лучше моего городка, родная. Ваша мама не находила себе места в этой квартире, она еще не подыскала себе работу, я не мог изменить свой рабочий график, и ей было очень одиноко. Но она не привыкла сдаваться, поэтому записалась на заочные курсы. Так она выучилась, получила диплом, потом место стажерки и, наконец, учительницы. Добавьте к этому беременность, ваше рождение... Ваше появление на свет ошастливило нас, но вы не представляете себе, чего стоит вырастить детей. Надеюсь, в конце концов вы узнаете это на собственном опыте. Короче говоря, нам не на что было купить свадебное платье, кольцо и все прочие свадебные причиндалы. Поэтому пришлось ждать несколько дольше, чем хотелось, прежде чем предстать перед мэром. Ну как, твое любопытство удовлетворено?

– Когда мама забеременела, сколько времени прошло после возрождения ваших отношений?

– Ничего себе вопрос! Ваша мать терпеть не могла, когда я вспоминал тот давний, первый период наших отношений. С тех пор прошло целых десять лет, она набралась жизненного опыта, стала совсем другим человеком и совершенно не скучала по той девушке, которой была раньше. Более того, мысль, что я мог влюбиться в ту девушку, вызывала у нее едва ли не ревность! Для нее было непостижимо, как мужчина может увлечься двумя настолько разными личностями. Потому что мне она отказывала в праве меняться! Заметьте, она была недалеко от истины, я несильно изменился. Вашу мать занимало только настоящее, в будущее она заглядывала редко, а ее прошлое было полностью стерто. Два периода нашей с ней истории были для нее все равно что Ветхий и Новый Завет: два повествования, полностью расходящиеся по вопросу пришествия Мессии.

– Ну да, в ее жизни Мессией был, ясное дело, ты! – прыснула Мэгги.

– Минута двенадцать секунд, – бесстрастно доложил папа, наблюдая за закипающей водой. Погасив газ, он заварил чай.

– Да, вы быстро управились! Одна минута двенадцать секунд – и мама беременна. Рекорд, что ни говори!

Папа капнул себе в чашку молока и посмотрел на нас – на одну, потом на другую.

– Я вас очень люблю, можете не сомневаться. Люблю больше всего на свете – вас и вашего брата, конечно. Но никто меня так не бесит время от времени, как вы. Вы появились у нас

очень быстро, мама забеременела всего через несколько месяцев после того, как мы стали жить вместе. Хочешь знать, сколько вы с братом весили при рождении? Ты была толще его и очень смешная!

Мэгги чуть не упала со стула от смеха. Тыча в меня пальцем, она потешно надула щеки.

– Между прочим, ты, Мэгги, была толще их обоих, вместе взятых. Все, вы добились своего: мне стало ужас как тоскливо. Прогуляюсь-ка я на кладбище. Не составите мне компанию?

Мэгги не бывала на могиле матери с тех пор, как мы ее похоронили. Ей было невыносимо видеть выгравированное на надгробии мамино имя.

– Хотя нет, – опомнился папа, – это, пожалуй, лишнее, лучше я схожу туда один.

На то он и отец, чтобы нас понимать.

Он залпом допил свой чай, поставил чашку в раковину, поцеловал нас с сестрой по очереди в лоб и был таков.

От двери до нас донесся его голос:

– Будешь уходить, не забудь как следует запереть дверь, Мэгги.

И папа ушел, пряча улыбку.

10

Элино́р-Ригби

Октябрь 2016 г., Кройдон

Мы немного выждали, чтобы удостовериться, что он не вернется и не застанет нас с поличным. Первым делом мы исключили ванную комнату, сочтя ее крайне сомнительным местом для устройства тайника. Мэгги тщательно осмотрела чулан и не нашла там ни люка, ни тайника под полом. После этого я занялась спальней, а Мэгги – изучением семейного генеалогического древа на кухне.

– Не вздумай мне помогать, ты только будешь мешать! – крикнула я ей.

– Ты тоже как будто не спешишь мне на помощь, – отозвалась моя сестра. – Ты еще не закончила?

Я пришла и села рядом с ней, не скрывая досады:

– Ничего! Я даже простучала стены в поиске пустот – все напрасно.

– Знаешь, почему ты ничего не находишь? Потому что тут ничего нет! Это письмо – сплошная нелепость. Что ж, повеселились, и ладно, предлагаю на этом закругляться.

– Попробуем рассуждать так, как рассуждала мама. Допустим, ты хочешь спрятать нечто драгоценное. Какое место ты выберешь?

– Прятать-то зачем? Почему не использовать это на благо любимой семьи?

– Вдруг это не деньги, а что-то, с чем она не могла ничего сделать? Поди знай, может, в молодости она торговала наркотиками... В семидесятых и восьмидесятых их все употребляли.

– Об этом я и толкую, Элби: ты слишком много смотришь телевизор. Боюсь, ты будешь сильно разочарована: наркоманов и сейчас полным-полно. Смотри, застрянешь в Лондоне – и я, чего доброго, тоже подсяду на наркоту.

– Из нас троих ближе всего к маме был Мишель.

– Полагаю, единственная цель этого безответственного утверждения – вызвать у меня ревность. К чему столько пафоса?

– Это не пафос, а правда. Я просто говорю, что, будь у мамы секрет, которым она не хотела делиться с папой, Мишелю она бы, скорее всего, доверилась.

– Не вздумай выводить его из равновесия своим фантастическим упрямством!

– Никому не позволю мной командовать – ни тебе и никому другому! Пожалуй, самое время его навестить. Ты забыла, что он мой близнец, а не твой?

– Вы хоть и близнецы, но разнойцевые!

Я пулей вылетела с кухни и из квартиры, но Мэгги настигла меня на лестничной площадке.

На тротуарах пылал ковер из опавших листьев – следствие октябрьского ненастья и разгулявшегося ветра. Мне нравится, как хрустят под ногами прожилки жухлых листьев, нравится запах осени, усиленный дождем. Я села за руль одолженной у коллеги по газете машины, подождала, пока Мэгги захлопнет дверцу, и тронулась с места.

Мы ехали молча, не произнося ни слова, и только раз я нарушила молчание, заметив, что если бы Мэгги совершенно не верила анонимному письму, то не поехала бы со мной, но она отговорила тем, что вынуждена оберегать ненаглядного братца от безумия, овладевшего сестрой.

Припарковав машину, я решительным шагом устремила к двери. За кафедрой выдачи из полированного черешневого дерева, уцелевшей с незапамятных времен, никого не было.

Сотрудников муниципальной библиотеки, работавших полный день, было всего двое: директор Вера Мортон и наш Мишель. Дважды в неделю приходила уборщица, вытиравшая пыль на книжных полках.

Вера Мортон, узнавшая Мэгги, радостно бросилась ей навстречу. Вера, не такая простая, как казалось на первый взгляд, могла бы быть очаровательной, если бы не старания превратиться в невидимку. Ее лазоревые глаза прятались за круглыми очками с захватанными стеклами, волосы были небрежно стянуты резинкой, а одевалась она в стиле «синий чулок». Водолазка на два размера больше, широкая вельветовая юбка, плоские туфли и носки выглядели довольно неряшливо, как униформа нерадивого солдата.

– У вас все хорошо? – спросила она.

– Прекрасно! – заверила я ее.

– Счастлива это слышать! Поначалу я встревожилась: неужели вы принесли недобрую весть? Вы ведь у нас нечастая гостья.

Ну кто изъясняется в наше время в таком стиле, подумала я, но решила оставить свои мысли при себе. Пока Мэгги объясняла, что двум сестрам, прогуливавшимся неподалеку, вдруг взбрело в голову навестить брата, у Веры розовели щеки; при каждом упоминании Мишеля ее румянец становился гуще. Я заподозрила, что под просторной водолазкой Веры Мортон бурлят противоречивые чувства. Не осуждать же ее? Поместите двух рыбок в аквариум, и пусть они плавают там по восемь часов в сутки день за днем, и единственным их развлечением будет еженедельная экскурсия скучающих школьников. Почти наверняка вскоре они разглядят друг в друге все лучшие качества, дарованные человечеству. Но даже не принимая во внимание подобные соображения, я допускала, что Вера вполне способна испытывать к моему брату нежные чувства. Вопрос был в другом: влюблен ли в Веру сам Мишель?

Молодая директриса дряхлого учреждения с радостью проводила нас в читальный зал, где Мишель в одиночестве читал за столом книгу. Вера говорила с нами шепотом, как будто в читальном зале было полно народу. Я сделала вывод, что библиотеки сродни храмам. Не важно, верующий ты или нет, говорить громко тут не принято.

Мишель поднял голову, удивился, увидев своих сестричек, закрыл книгу и, прежде чем подойти к нам, поставил книгу на место.

– Мы были поблизости. И подумали: хорошо бы зайти поцеловать брата, – повторила Мэгги свою версию.

– Как странно, ты же никогда меня не целуешь. Не хочу с тобой спорить. – И он подставил ей щеку.

– Это просто так говорится! – отшатнулась Мэгги. – Может, выпьем где-нибудь чаю? Если тебя, конечно, отпустят.

За Мишеля ответила Вера:

– Разумеется, у нас сегодня не такой уж наплыв читателей. Не беспокойтесь, Мишель, я сама запру библиотеку.

Щеки ее вновь порозовели.

– Мне еще надо расставить несколько книг.

– Уверена, что они приятно проведут ночь на тех столах, где сейчас лежат, – успокоила его Вера, еще сильнее покраснев.

Мишель попрощался с ней, пожав руку, вернее, дернув, как старый велосипедный насос.

– Большое спасибо, – прочувствованно сказал он. – Я отработаю завтра, останусь подольше.

– В этом нет необходимости. Хорошего вам вечера, Мишель, – проговорила она, и ее щеки стали пунцовыми.

Поскольку в этих стенах было принято шептаться, я приникла к уху сестры, чтобы поделиться с ней некоторыми своими наблюдениями. Мэгги закатила глаза и повела Мишеля к машине.

Мы устроились в чайном заведении с завешанной рекламой витриной на первом этаже домика из желтого кирпича, сохранившегося с 70-х годов, – остатка прежней индустриальной застройки. Обслуживание здесь оставляло желать лучшего. Мэгги пришлось наведаться к стойке, чтобы заказать три чашки «эрл грея» и печенье. Честь расплатиться она предоставила мне. Мы устроились в пластмассовых креслах вокруг столика, тоже пластмассового.

– Что-то с папой? – спросил Мишель бесстрастным тоном.

Я поспешила его успокоить. Он отхлебнул чай и уставился на Мэгги:

– Ты выходишь за Фреда?

– С какой стати за нашим невинным желанием повидаться с тобой должна скрываться какая-то драма?

Мишель подумал и нашел этот ответ забавным: об этом свидетельствовало некое подобие улыбки.

– Я нечасто остаюсь в Лондоне надолго, вот и решила повидать тебя и заодно позвала Мэгги, – подхватила я.

– Мама не доверяла тебе никакой тайны? – в лоб спросила его Мэгги.

– Ты задаешь странный вопрос. Я давно не видел маму, ты тоже.

– Я имела в виду – раньше.

– Если бы она и доверила мне какую-то тайну, то я не мог бы тебе ее открыть. Логично, правда?

– Я не прошу тебя рассказывать, что это за тайна, а просто спрашиваю, шла у вас речь о тайне или нет.

– Нет.

– Вот видишь! – бросила Мэгги мне.

– Об одной – нет. Тайн было много, – уточнил Мишель. – Можно взять еще печенье?

Мэгги пододвинула ему блюдо.

– Почему тебе, а не нам? – не унималась она.

– Потому что она знала, что я никому ничего не скажу.

– Даже твоим сестрам?

– Тем более моим сестрам. Когда вы ссоритесь, то способны все вывалить, включая всякие небылицы. У вас много достоинств, но среди них отсутствует умение промолчать, когда вы сердитесь. Логика.

Я положила ладонь на руку Мишеля и посмотрела на него с нежностью:

– Ты ведь знаешь, что нам ее не хватает так же сильно, как тебе.

– Не думаю, что существует инструмент для измерения этой нехватки, поэтому делаю вывод, что ты высказалась в фигуральном смысле.

– Нет, Мишель, это самая что ни на есть реальность, – не согласилась я с ним. – Она была нашей мамой точно так же, как твоей.

– Естественно, это логично.

– Если тебе известно что-то, о чем мы не знаем, то несправедливо держать это при себе, понимаешь? – наредила на него Мэгги.

Мишель взглядом попросил у меня разрешения взять мое печенье, окунул его в чай и откусил два маленьких кусочка.

– Что она тебе сказала? – впиалась в него я.

– Ничего.

– А как же тайна?

– Она доверила мне не слова.

– А что?

– Не думаю, что у меня есть право рассказывать об этом вам.

– Мишель, я тоже не считаю, что мама собиралась так быстро и внезапно уйти из жизни. Уверена, ей бы хотелось, чтобы после ее смерти мы узнали о ней всё.

– Возможно, но мне нужно было бы спросить об этом ее саму.

– Такой возможности нет, придется тебе положиться на себя и свое мнение, больше не на кого.

Мишель одним глотком допил свою чашку и поставил ее на блюдце. У него дрожала рука, он покачивал головой и смотрел в никуда. Я погладила его по голове и одной фразой остановила назревавший приступ.

– Ты ничего не должен нам говорить прямо сейчас. Уверена, маме бы хотелось, чтобы ты хорошенько поразмыслил. И я знаю, что именно поэтому она была с тобой откровенна. Хочешь съесть последнее печенье?

– По-моему, это было бы не очень разумно, но почему бы нет, раз мы собрались втроем...

Я решила остаться на месте, Мэгги, отошедшая к стойке за печеньем, оглянулась и замерла. Опомнившись, она поставила перед Мишелем тарелочку и тоже села.

– Не будем больше это обсуждать, – проговорила она тоном миротворца. – Лучше расскажи, как проходят твои рабочие дни.

– Они похожи один на другой.

– Выбери какой-нибудь из них и расскажи.

– Как ты ладишь с директрисой? – предложила тему я.

Мишель поднял глаза:

– Это, наверное, опять в фигуральном смысле?

– Нет, это просто вопрос. Вы понимаете, слышите друг друга? – уточнила я.

– Мы прекрасно друг друга слышим, мы же не глухие. Это наше счастье, потому что в библиотеке принято разговаривать шепотом.

– Да уж, я имела удовольствие в этом убедиться.

– Значит, ты убедилась и в том, что мы слышим и понимаем друг друга.

– По-моему, она высоко тебя ценит. Послушай, Мэгги, хватит так на меня глазеть, – обратилась я к сестре, – тебе необязательно контролировать каждое мое слово, и имею право разговаривать с братом, как я хочу.

– Собираетесь ссориться? – осведомился Мишель.

– Сегодня – нет, – успокоила его Мэгги.

– Что меня в вас поражает, – заговорил Мишель, беря бумажную салфеточку и вытирая краешек губ, – так это то, что ваши речи чаще всего совершенно бессмысленны. И это притом, что когда вы не спорите, то понимаете друг друга лучше, чем большинство тех, за кем я наблюдаю. Отсюда я делаю вывод, что вы тоже не глухие. Надеюсь, я ответил на вопрос, который ты на самом деле хотела мне задать, Элби.

– Я тоже так думаю. Если тебе когда-нибудь понадобится женский совет, знай, я всегда рядом, в твоём распоряжении.

– Нет, Элби, ты не очень часто бываешь рядом, но, в отличие от мамы, время от времени появляешься, и это вселяет надежду.

– Надеюсь, в этот раз я пробуду здесь дольше.

– Пока твой журнал не отправит тебя изучать жирафов в какую-нибудь далекую страну. Почему люди, с которыми ты не знакома, интересуют тебя больше, чем твоя собственная семья?

Кому-то другому я, возможно, сказала бы правду. Мне захотелось отправиться в путешествие по миру, чтобы обрести надежду, которой мне так не доставало в двадцать лет, бежать куда глаза глядят от пугающего ощущения, что моя жизнь спланирована от начала до конца,

что она будет такой же, как у моей матери, такой же, как у сестры. Мне необходимо было бежать от родных, чтобы не перестать их любить. Потому что вопреки всей любви, которую я получала, я задыхалась в лондонском пригороде.

– Меня завораживает человеческое разнообразие, – ответила я. – Я ищу различия между людьми. Понимаешь?

– Нет, это не очень логично. Вот я не такой, как другие, почему тебе не хватило меня, почему понадобилось искать чего-то еще?

– Ты не другой, Мишель, мы с тобой двойняшки, ты – тот человек, с которым я чувствую наибольшую близость.

– Если я вам мешаю, так и скажите, не стесняйтесь, – вмешалась Мэгги.

Мишель долго смотрел на нее, потом перевел взгляд на меня. Глубоко вздохнув, он положил на стол ладони, как будто приготовился избавиться от тяготившей его тайны.

– Думаю, мы с Верой очень хорошо ладим! – выпалил он, задыхаясь.

11

«Индепендент»

Июнь – сентябрь 1980 г., Балтимор

Объявив о создании газеты во время попойки в конце весны, Мэй и Салли-Энн с жаром взялись за дело. Они посвятили ему все лето и на пляж бегали только по воскресеньям.

Прежде всего газете требовалось название. Первой занялась этой проблемой Мэй. После очередного повтора в поздней сетке канала ABC старого сериала «Неприкасаемые»⁴ с Робертом Стеком в роли Элиота Несса ее осенила гениальная идея.

Сначала Салли-Энн восприняла ее как шутку. Название показалось ей совершенно нелепым, не говоря о сомнительной игре слов, которая доставила бы кое-кому извращенное удовольствие. Как газета, возглавляемая женщинами, может называться «Неприкасаемые»?

Как-то июльским днем, на редкость жарким, Салли-Энн любовалась мускулатурой Кита, пришедшего оказать им помощь: она обнаружила среди заброшенных портовых складов лофт в плачевном состоянии, который, по ее мнению, надо было всего лишь перекрасить – и он будет просто великолепен.

Тщательно обследовав помещение, Кит заявил, что она ошибается. Его удивила и скромная сумма, на которую они рассчитывали осуществить свою затею. А ведь семья Салли-Энн не испытывала недостатка в средствах.

Ему не приходило в голову, что за привлекательной внешностью Салли-Энн и ее повадками опытной соблазнительницы прячется бескомпромиссная прямолинейность. Еще не постигнув подросткового возраста, она поняла, что отличается от других. Она как-то поделилась с Китом и Мэй детским воспоминанием: одному из своих учителей она заявила, что, когда она родилась, ее, скорее всего, подменили или перепутали, потому что у нее нет почти ничего общего с отцом и тем более с матерью. Учитель отчитал дерзкую девчонку, позволившую себе осуждать родителей, чей жизненный успех всем приводили в пример. Она же признавала за ними единственное достижение – бережливое отношение к унаследованному богатству, сохраненному ценой нескончаемой лжи и компромиссов.

Вспомнив об этой истории, Кит помирил девушек. Они решили, что им ни на кого не нужно обращать внимания, а газета пусть будет независимой – «Индепендент».

– Красиво, конечно, но при отсутствии средств труд предстоит титанический! – воскликнул Кит. – Рамы проела соль, паркет истончился так, что его можно пальцем проткнуть. Запустить отопительный котел – задача почти неразрешимая. Электричество отключено с незапамятных времен.

– Я знаю только два типа мужчин, – заявила в ответ Салли-Энн. – Это те, у кого проблемы, и те, кто их решает.

Салли-Энн уже научилась прятать куда подальше свою легендарную прямолинейность, когда это было необходимо. Кстати, мужчины чаще всего и были такой необходимостью. Кит тут же угодил в небрежно расставленную ловушку, и Мэй с трудом поборолла желание прийти ему на помощь. Она промолчала, и Кит с завидным рвением принялся за ремонт лофта.

Детство Кита нельзя было назвать беззаботным, зато он вырос с умением обходиться подручными средствами. В первое же воскресенье он сумел протянуть силовую кабель и ближе к ночи, вскарабкавшись на столб за окном и чуть с него не свалившись, присоединил его к клеммам трансформатора. На все это ушел целый день, зато в лофте загорелся свет.

⁴ «Неприкасаемыми» в сериале называли команду неподкупных следователей.

Все последующие дни он приходил туда после работы, там же проводил свои выходные. К концу недели он стал воспринимать этот ремонт как вызов. Принялся приводить в порядок паркетный пол, чтобы потом на нем можно было расставить письменные столы, взялся за восстановление оконных рам, прихватывая обрезки досок из своей мастерской и привозя их в своем пикапе. Хозяин заметил его проделки и, не будь он первоклассным столяром, непременно выставил бы его за дверь. К концу первой недели Кит признал, что ему не справиться с таким объемом работ в одиночку. Взяв у девушек немного денег и угостив ужином с выпивкой несколько новых приятелей, трудившихся в том же здании, он заручился их помощью. Начинаящие водопроводчики, каменщики, маляры и слесари занялись котлом, трубами, продувкой батарей, выравниванием стен и удалением ржавчины, разъедавшей железо. Мэй и Салли-Энн тоже не бездельничали: они шлифовали, прикручивали, красили, а в перерывах кормили и поили собранную Китом бригаду.

Работа кипела, настроение у всех было приподнятое, троица вступила в захватывающую игру обольщения. Первая из участников обладала большим опытом, вторая подкупала искренностью, а третий в таких делах вообще ничего не смыслил.

Мэй тянуло к Киту. Она внимательно наблюдала за каждым его шагом, каждым жестом, дожидаясь, когда ему понадобится помощь, и стараясь оказаться поближе в подходящий момент. Когда они обменивались парой слов – он в это время приколачивал паркет, она неподалеку шлифовала доски, – она всякий раз делала для себя открытие: оказывалось, что беседовать с ним не менее интересно, чем любоваться его внешностью. Но Кит все время поглядывал на Салли-Энн, а та нарочно старалась держаться на расстоянии. В конце концов Мэй заподозрила, что он помогает им с единственной целью – вернуть расположение Салли-Энн, но та не раскрывала своих чувств.

В середине месяца игра приняла другой оборот. Кит разобрался наконец в тактике Салли-Энн и пригласил Мэй поужинать в индийский ресторанчик на Колд-Спринг-Лейн. Она была удивлена – какие у него экзотические вкусы! В конце вечера он изъявил желание вернуться в лофт, чтобы покрыть вторым слоем лака входную дверь.

– За ночь лак высохнет, и завтра я смогу заняться чем-то другим, – объяснил он.

Мэй поблагодарила Кита за прекрасный вечер, а тот, взяв со столика ключи, вдруг задумался: для кого из них он так старается, может, для обеих?

– Хочешь послушать музыку? – спросил Кит у севшей к нему в машину Мей.

Та, крутя тумблер настройка приемника, незаметно подтянула повыше подол юбки. Всякий раз, когда на нее падал свет фонаря, кожа на ее бедре, светлая, в золотистых пятнышках веснушек, отливала молочной белизной. Кит несколько раз скользил по ней взглядом, а потом не удержался и положил ладонь на ногу Мэй. Девушку бросило в жар.

На лестнице он пропустил ее вперед. Сто двадцать крутых ступенек – и Киту нестерпимо захотелось заняться с ней любовью.

Толкнув дверь лофта, Мэй позвала Салли-Энн, надеясь, что та, как всегда, укатила на очередную вечеринку, где парни смотрят на нее с жадностью, а девушки – с восхищением и завистью.

Кит, больше не в силах сдерживаться, стал приближаться к Мэй, она с улыбкой пятилась от него к окну. Прижавшись к ней, он обхватил ладонью ее затылок, погрузив пальцы в мягкие волосы, и стал целовать. Поцелуи, которых она ждала несколько недель, оказались нежнее, чем ей представлялось. Макушка Кита пахла свежей древесиной и скипидаром, она легонько покусывала его проворные пальцы, гладившие ей лицо, и дрожала всем телом. Кит растянул на ней блузку, обнял за талию и стал целовать ей грудь, а она уже растягивала пуговицы на его джинсах. Он принадлежал ей, и твердое доказательство этого она уже сжимала в руке.

Но Мэй кое в чем ошиблась. С улицы, сидя на мотоцикле, на нее смотрела Салли-Энн. Подруга видела в окне ее голую спину, ее белые бедра, колени, взлетающие вверх от могучих

толчков. Салли-Энн отлично знала, какое удовольствие Кит доставляет сейчас Мэй. Она сама много раз его получала, ощущая на губах солоноватый вкус его кожи.

– Добро пожаловать на седьмое небо, моя красавица. Не волнуйся, ты его у меня не украла. Пользуйся, но учти: я одолжу его у тебя, когда придет охота.

Не надевая шлема и подставив лицо ветру, она сорвалась с места и помчалась искать тепла и забвения в других объятиях.

* * *

К середине августа значительная часть ремонтных работ осталась позади. Салли-Энн выиграла свое пари: они вернули лофту если не бывшее великолепие, то по меньшей мере вполне приличный вид. Так оценивал результат своего труда Кит, когда благодарные девушки повисли у него на шее и осыпали поцелуями.

Реконструкция лофта позволила им обзавестись там спальней – закутком с кроватью.

Теперь надо было как-то сберечь остаток средств. Кит и его приятели при всякой возможности использовали бывшие в употреблении материалы, тем не менее девушкам все равно пришлось потратить на ремонт почти все свои накопления.

В конце августа они стали посещать распродажи, обзаводясь мебелью и всем необходимым. Мэй случайно обнаружила страховую компанию, сбывавшую с рук шесть пишущих машинок, место которых заняли более современные машинки IBM. Салли-Энн, очаровав торговца, приобрела за бесценок целый офисный комплект: копировальный аппарат, два магнитофона, оборудование для фотостудии, шесть стульев и бархатный диван. Но, как ни дешево им все это обошлось, сентябрь они встретили с пустыми карманами.

* * *

Наступило одно из тех воскресений, когда Мэй вставала с утра пораньше и отправлялась к мессе. Она освободилась от всего, оставив при себе только веру. Но все равно, входя в церковь, она чувствовала себя виноватой. Мэй приходила сюда не в поисках Бога, не за Его прощением, а только чтобы на целый час почувствовать себя защищенной от внешнего мира. Даже толком не молилась, потому что ее молитва стала бы оскорблением для присутствующих. Глядя на прихожан, она пыталась вообразить жизнь всех этих полноценных дружных семейств, наблюдала за детьми, зевавшими за молитвой, умело различала пары, спаянные любовью, и те, где супруги просто жили под одной крышей. Как ни пьянила Мэй ее свобода, этой свободе сопутствовали страхи, и худшим среди всех был страх одиночества.

Салли-Энн поздно вернулась со скучного благотворительного вечера, куда пошла с определенной целью – уговорить одного молодого предпринимателя вложить средства в их газету. Сам по себе этот тип был не слишком привлекателен, поэтому она не переходила за рамки сугубо профессиональные. Предприниматель вежливо внимал ее рассуждениям. Пускай объяснит, как заработать на газете, не претендующей на общенациональный охват. С тех пор как телевидение перетянуло на себя львиную долю рекламных бюджетов, даже у самых крупных изданий стала стремительно снижаться рентабельность. Эта тенденция уверенно набирала обороты, и он задавался вопросом, не сочтены ли дни печатной прессы. Как ни блистала Салли-Энн умом и находчивостью, у нее не получилось переубедить собеседника: тот никак не мог разглядеть источники прибыли, ради которых стоило бы рисковать своими деньгами. Тогда Салли-Энн перешла к теме прибылей иного рода: стране необходимы органы печати, не зависящие от какой-либо власти, прежде всего от власти денег. Он из вежливости покивал. Давайте так: если за год «Индепендент» докажет свою состоятельность, то он будет готов вернуться к этому разговору. Салли-Энн приехала домой ближе к ночи и, застав Мэй и Кита спящими в

ее кровати, еще сильнее расшвыряла. Мелькнула даже мысль залезть к ним третьей, но, одумавшись, она довольствовалась диваном.

Мэй, уходя из дому ни свет ни заря, разбудила Салли-Энн. Кит спал сном праведника. Стоя в двери спальни, Салли-Энн засмотрелась на разметавшегося по кровати мужчину, на его мерно вздымающуюся грудь. Даже во сне он источал силу. Его кожа и та была произведением искусства, волосы на груди обещали наслаждение. Она наклонилась, чтобы поднять с пола его рубашку, и вдохнула его запах. Мэй ушла часа на два, но так много ее верной подруге и не требовалось. Она стянула с себя майку и трусики, легла рядом, прижалась к нему.

У природы есть свои загадки, в их числе особое утреннее состояние мужчины, над которым он не властен. Кит недолго сопротивлялся нежным губам, заскользившим по его животу.

Когда оба получили щедрую порцию удовольствия, Салли-Энн подобрала майку и трусики и отправилась в душ. Когда она включила воду, Кит присоединился к ней. Потом, одеваясь, они условились, что между ними ничего не было.

* * *

По прошествии недели произошло чудо. Ронда, помощник бухгалтера, мечтавшая о месте финансового директора – для женщины начала 80-х такие амбиции были равносильны мечте покорить Олимп, взойдя на него в шлепанцах, – представила плод своих трудов – тщательно составленный план эксплуатационных расходов, учитывавший все, вплоть до последней скрепки. Она даже подсчитала возможный доход от рекламы. Это был бюджет газеты на первые два года, оставалось только положить его в красивую прозрачную папку. Ее муж, руководивший отделением Корпоративного банка Балтимора, назначил им встречу.

Мистер Кларк был низеньким мужчиной с живым взглядом и приветливой улыбкой. Доброжелательность наделяла его некоторой привлекательностью, как это ни противоречило его внешности, отрицавшей все каноны мужской красоты. Он был женат на Ронде уже полтора десятка лет. Весьма вероятно, что если бы Кларк всерьез усомнился в финансовой надежности Салли-Энн, ему пришлось бы столкнуться с решительным отказом жены соблюдать свой супружеский долг и требованием покинуть их общее ложе на неопределенный срок.

– Позвольте задать один вопрос, – произнес он, поправляя сползшие на кончик носа очки. – Если бы наше финансовое учреждение стало вашим кредитором, вы не стали бы публиковать материалы, вредящие нашим интересам?

Мэй уже открыла рот, чтобы ответить, но партнерша двинула ее ногой по лодыжке, и она промолчала.

– Встречный вопрос, если можно, прежде чем ответить на ваш, – заговорила Салли-Энн. – Банк, помогающий финансированию нашей газеты, непременно должен быть вне всяких подозрений, не правда ли?

– Само собой, – кивнул Кларк. – Раз уж у нас пошел откровенный разговор, признаюсь, что я восхищаюсь вашей смелостью с тех пор, как некая персона, которую я не вправе здесь назвать, стала рассказывать мне о вашем проекте – а она делает это каждый вечер. Как я погляжу, она ничуть не преувеличивает.

Он выдвинул ящик стола, достал бланк и подал посетительницам.

– Не сомневаюсь, что ваш запрос о ссуде будет составлен в кратчайший срок. Как только это произойдет, милости прошу ко мне. Я ознакомлю с вашим досье кредитную комиссию. Это простая формальность. Мы откроем вам кредитную линию на двадцать пять тысяч долларов сроком на два года. Условие таково: когда ваша газета добьется предполагаемого успеха, вы поместите заработанные деньги в наш банк.

Банкир проводил просительниц до двери своего кабинета и попрощался с обеими за руку. Салли-Энн на радостях наградила его поцелуем.

Они вышли из банка в радостном возбуждении.

– А ведь наша газета будет жить! – воскликнула Салли-Энн, еще не веря в успех.

– Да, в этот раз мы сорвали банк. Двадцать пять тысяч, представляешь? Целое состояние! Мы сможем нанять двух секретарей, девушку на телекс, секретаря в приемную, верстальщицу, фотографа, политического журналиста, журналиста по культуре, одного-двух репортеров...

– Ты считаешь, мы должны отдавать предпочтение сотрудницам-женщинам?

– Не должны, но ты только послушай, как это звучит: «Милый Фрэнк, принесите-ка досье, о котором я вам говорила!» – Она изобразила, как снимает телефонную трубку. – «Джон, будьте так добры, сделайте мне кофе». – Она скорчила гримасу. – «Мне нравятся эти брючки, Роберт, они отлично сидят на твоей попке...»

– Согласна, звучит слишком игриво.

Злые языки стали бы утверждать, что, не будь Кларк мужем Ронды, он ни за что не предоставил бы девушкам кредит, но оказались бы далеки от истины. Ответственный сотрудник Корпоративного банка Балтимора отлично знал, с кем имеет дело. Родители Салли-Энн ни за что не позволили бы себе стать должниками банка, акционерами которого являлись.

Те же самые злые языки поспешили бы упрекнуть Кларка в поспешном и неоправданном риске, а девушек – в том, что они слишком рано обрадовались.

Спустя несколько дней из банка позвонили Ханне Стэнфилд, матери Салли-Энн, и сообщили о запросе на финансирование, который вскоре рассмотрит кредитная комиссия.

12

Джордж-Харрисон

Октябрь 2016 г., Восточные кантоны, Квебек

Меня зовут Джордж-Харрисон Коллинз. Тем, кого забавляет мое имя, я обычно отвечаю, что с меня хватило насмешек, которым я подвергался в школе за то, что знал, в чью честь меня назвали. Самое странное то, что у нас дома «Битлз» не слушали, мама была поклонницей «Роллинг стоунз». Она так и не объяснила, почему выбрала мне такое имя. Это не единственный ее секрет, который мне так и не удалось раскрыть.

Я родился в Магоге, и все тридцать пять лет моя жизнь протекает в Восточных кантонах Квебека. Пейзажи здесь великолепные, зимы длинные и суровые, но в конце тоннеля всегда брезжит свет: весной все возрождается, а потом наступает теплое лето, когда наполняются жизнью леса и серебрятся озера.

Как писал Халиль Джебран, память – это осенний листок, шепчущий на ветру, прежде чем сорваться и унести. Мои лучшие воспоминания связаны с матерью, но ее собственные воспоминания медленно угасают, потому что в ее жизни уже наступила поздняя осень.

Когда мне исполнилось двадцать лет, она стала настойчиво советовать мне уехать. «Эта провинция для тебя маловата, поезжай, посмотри мир!» – уговаривала она меня, и ее уговоры были как приказ. Но я не послушался. Я не смог бы жить где-то еще – только здесь. Канадские леса – мой родной край, нигде нет столько кленов, а я работаю столяром-краснодеревщиком.

Когда у мамы еще с головой было все в порядке и она любила пошутить, она дразнила меня молодым старичком всякий раз, когда видела, как я забираюсь в свой пикап.

Большую часть времени я провожу у себя в мастерской. Работа по дереву сродни волшебству, которое творит умелец, любящий преобразовывать материю. Желание стать столяром появилось у меня после того, как я прочел сказку про Пиноккио. Образ Джеппетто навел меня на размышления. Если он сумел собственными руками смастерить себе сына, то почему бы мне не смастерить отца, которого я не знал? К подростковому возрасту я перестал верить в сказки, но вера в магию моего ремесла никуда не делась. Я мастерю предметы, входящие в жизнь людей: столы, за которыми ужинают семьи, создавая себе воспоминания, кровати, на которых родители любят друг друга и видят сны о своих будущих детях, книжные шкафы, где будут храниться их книги. Не могу себе представить никакого другого занятия.

Как-то октябрьским утром я долго трудился над столешницей комода, но у меня ничего не получалось. Древесина, из которой я нарезал детали, оказалась плохо просушенной, и они могли в любой момент потрескаться. Мне раз двадцать приходилось вновь браться за работу, но стамеска не шла как нужно. Мои мучения прервал почтальон, и я в кои-то веки обрадовался его приходу. Обычно он приносит счета и всякие официальные бумаги, портящие жизнь. Но в этот раз он протянул мне конверт, надписанный от руки. Я залюбовался почерком. Догадаться, кому он принадлежит – мужчине или женщине, – было невозможно. Я вскрыл конверт и сел читать письмо.

Дорогой Джордж,

извините, что сокращаю Ваше имя, составные имена для меня длинноваты, Ваше, кстати, замечательное, но мое письмо не об этом.

Догадываюсь, как тяжело день за днем терять мать, пусть она по-прежнему жива.

Что поделать, мы знаем о своих родителях только то, что они сами хотят нам рассказать и что мы сами хотим в них видеть. Мы забываем

– и это в порядке вещей, – что они жили и до нашего появления на свет. Я хочу сказать, что тогда они вели свою собственную жизнь, проходили через испытания молодости, через ложь. Им тоже приходилось разбивать свои цепи, вырываться на свободу. Вопрос в том, КАК они это делали.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.